

АМНЕЗИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР № 1
НА AMAZON UK

ТИ ДЖЕЙ БРИРТОН

 INSPIRIA

Ток. Пациент. Психиатрический триллер

Ти Джей Биртон

Амнезия

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бриртон Т.

Амнезия / Т. Бриртон — «Эксмо», 2021 — (Ток. Пациент. Психиатрический триллер)

ISBN 978-5-04-190067-0

Психологический триллер № 1 на Amazon UK. Премия Next Generation Indie Book Awards 2022 в номинации «Лучший саспенс». Я УЗНАЛА ЕГО. 15 ЛЕТ НАЗАД ОН НАЗВАЛ СВОЮ МАТЬ УБИЙЦЕЙ. А ТЕПЕРЬ ПОДОБРАЛСЯ КО МНЕ... Я — доктор Эмили Линдман, психотерапевт. Пятнадцать лет назад полиция попросила меня провести сеансы с восьмилетним Томом, который стал свидетелем жестокой расправы с его отцом. Шок заблокировал воспоминания мальчика о моменте убийства, и я должна была разблокировать их. Я смогла: Том признался, что убийство совершила его мать. Она получила двадцать пять лет. А сегодня моя дочь привезла своего жениха Майкла. Я не могла поверить глазам: Майкл выглядит в точности как выросший Том. Тот же нос, те же брови и скулы, глаза цвета морской волны. Идеальное совпадение? Я готова была успокаивать себя этим, но потом получила сообщение с неизвестного номера: «Я ХОЧУ ВЕРНУТЬ СВОЮ МАМУ...»

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-190067-0

© Бриртон Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Часть II	24
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	50
Глава 17	53
Глава 18	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ти Джей Бриртон Амнезия

T. J. Brearton

HER PERFECT SECRET

© T. J. Brearton, 2021. This edition published by arrangement
with Lorella Belli Literary Agency Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Ток. Пациент. Психиатрический триллер

© Юркан М. Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Тимоти Джеймс Бриртон окончил Киноакадемию Нью-Йорка и несколько лет проработал в индустрии фильмов и сериалов. В 2013-м выпустил свой первый триллер.

Сейчас в его библиографии более двух десятков романов, многие из которых входили в топ-100 электронных продаж на Amazon в США, Великобритании, Австралии и Канаде.

Лауреат премии Next Generation Indie Book Awards в номинации «Лучший саспенс». Живет с семьей в штате Нью-Йорк, в самом сердце горного массива Адирондак.

читай и слушай:

Электронная книга

Обои для скачивания

Плейлист

Часть I

Глава 1

Пятница

Это он.

Я узнала его острый нос с широким разлетом ноздрей. Его густые брови и резко очерченные скулы. Но в основном мне запомнились его глаза. Глаза цвета морской волны.

Вне всяких сомнений, красивый парень. Да и запомнившийся мне ребенок, лет восьми-девяти, тоже обещал стать красавцем.

Того мальчика звали Томом.

– Мам, пап, – сказала моя дочь, – я хочу познакомить вас с Майклом.

Майкл...

Тогда не он. Просто очень похож. Обман зрения.

– Мы с Майклом решили пожениться, – добавила она.

Муж, топтавшийся рядом со мной, закашлялся, словно чем-то подавился. Мы стояли на пологом травянистом склоне, на полпути от дома к берегу озера. Над ним сияло жаркое солнце.

– Правда? – удивленно заметил мой муж. – Пожениться? Надо же...

Пол пытался придать своему голосу радостный оттенок. Он глянул на меня; его взгляд выразил целую гамму чувств. Словами такого не передашь. В нем отразилась вся бурная история взросления нашей дочери Джони. Наша девочка дважды сбежала из частных школ. Мы искали ее по ночам на мрачных городских улицах, гадая, найдем живой или мертвой.

Она ведь уже не ребенок, напомнила я себе. Стала молодой женщиной. Мы знали, что она привезет кого-то, но помолвка явилась большим сюрпризом.

Они стояли перед нами, чуть ниже по склону, Майкл держал Джони за руку, а я старалась не пялиться на этого парня. За ними поблескивала голубой сталью озерная гладь, усеянная алмазной солнечной россыпью. Издалека доносился приглушенный шум моторной лодки.

– И давно решили? – спросила я, глянув на Джони.

– Всего пару недель назад, – сказала она, заправив за уши волнистые пряди своих светлых волос.

Отрывисто-резкий тон ответа и язык ее тела подсказали мне, что мой вопрос насторожил ее, заставив принять оборонительную позицию.

– Мы хотели сообщить вам именно здесь. Уже запланировали поездку сюда, в озерный дом, а потом он предложил мне... – Умолкнув, Джони сжала руку Майкла, явно уступая ему дальнейшее объяснение.

Майкл чуть выступил вперед. Он сосредоточился больше на моем муже Поле, чем на мне.

– Я предпочел бы, сэр, традиционно испросить вашего согласия. – Слегка помедлив, он глянул на Джони и закончил: – Но нам хотелось сделать вам сюрприз.

Я вдруг осознала, что стою, скрестив на груди руки: невольно включилась защита.

– И как давно вы уже вдвоем?.. – Я попыталась улыбнуться.

– Мам, – ответила Джони, – не усложняй.

– Я ведь просто спросила, давно ли вы уже встречаетесь. Я же еще ни разу... Ты ни разу не...

– Мы как раз собираемся обо всем поговорить.

– Ладно.

– Но мне хотелось... – Джони, пожевав губу, отвела взгляд. Быстро собравшись с мыслями, она закончила: – Мне хотелось сразу по приезде сообщить вам нашу новость. Чтобы вы успели привыкнуть к ней. В общем, я подумала, что если бы сначала просто представила вам его как своего друга, а потом в конце выходных сообщила о нашей помолвке, то...

«То мы были бы оглушены», – мысленно закончила я за нее.

По телефону она выразилась туманно: «Мне не терпится вас кое с кем познакомить». Мы поняли, что это означало. С семнадцати лет Джони приводила домой тех, с кем ей не терпелось нас познакомить. Пять лет новых знакомств, новых мимолетных влюбленностей. Она приводила их к нам, потому что искала нашего одобрения. Почти как кошка, бросающая дохлую мышь на хозяйское крыльцо. Я никогда не понимала причин этого, учитывая ее бунтарские настроения во всех прочих сферах жизни.

Как психотерапевту, мне следовало бы проявить большую догадливость. Но, возможно, материнское отношение снижало остроту моих суждений.

– Если бы мы дожидались конца выходных, вам могло бы не хватить времени свыкнуться с этой мыслью, – закончила свою мысль Джони, – поэтому главное мы решили выложить сразу. – Она глубоко вздохнула. – Да, мам, пап, познакомьтесь, вот мой жених. Майкл Рэнд.

Он улыбнулся, одновременно покраснев. У него приятный искренний взгляд, да и язык его тела подразумевал открытую натуру. Он держал Джони за руку одной рукой, свободно опустив вторую. Я старалась ненавязчиво присматриваться к чертам его лица, сравнивая их с чертами мальчика пятнадцатилетней давности.

Хотя интерес мне удавалось скрывать с трудом: сходство было поразительным. Те же глаза, нос; даже темные волосы – современная средней длины стрижка – похожи. Они гуще, чем мне помнилось, но ведь он стал значительно старше...

– Итак, – сказал Пол, протягивая руку, – добро пожаловать в семью, Майкл.

Они обменялись рукопожатием.

– Спасибо, мистер Линдман.

– Зови меня Полом.

Майкл взглянул на меня, протянув руку.

– Миссис Линдман.

В первый момент я не могла даже пошевелиться. Сцепившись с ним взглядом, я вновь потрясенно осознала, что их цвет точно такой же, как у Тома. Но действительно ли я помню его так ясно? Хотя это вдруг показалось несущественным, поскольку меня внезапно отбросило на пятнадцать лет назад, и перед мысленным взором пронесли фотографии с места жестокого и кровавого преступления. На полу в кухне лежал мужчина с разбитой головой, окруженной лужей темно-алой крови...

Прищурившись, я отбросила страшные воспоминания. И пожала руку Майкла, постаравшись не отдернуть ее слишком быстро и приложив усилие, чтобы выдержать его взгляд достаточно долго.

Это он!

Нет. Не может быть.

Но даже если я оказалась права – что я могла сказать? Что я могла сделать? Все, что происходило на тех пяти сеансах с восьмилетним Томом Бишопом, держалось в строгой тайне. Даже если бы я ничуть не сомневалась, с этической точки зрения мне пришлось бы держать свои знания при себе. Сказав хоть что-то Джони, я поступила бы чертовски непрофессионально. Меня могли лишить лицензии на психологическую практику. И неважно, что дочери угрожала сомнительная помолвка.

– Ладно, – сказал Пол. – Не пора ли нам выпить и отпраздновать такую новость?

– Пап, еще только одиннадцать утра, – заметила Джони.

– И что? Ведь у нас отпуск, не так ли?

– Пожалуй, пойду приготовлю «Мимозу»¹, – выпалила я, желая поскорей удалиться. –

Почему бы вам троим пока не посидеть у озера? Я быстро вернусь.

Не дожидаясь возражений, я развернулась и пошла к дому.

– Миссис Линдман?

Увы, недостаточно быстро.

Замедлив шаг, я повернулась.

– Да?

– Не могли бы вы приготовить мне что-нибудь безалкогольное? Я практически не пью.

На мгновение я потеряла дар речи.

– О, конечно, – нашлась я в итоге, – запросто.

И продолжила идти к дому, стараясь не перейти на рысь. Пусть я не могу ничего сказать, зато могу удовлетворить собственное любопытство. Могу провести быстрый поиск в Сети. В этом не будет ничего неэтичного.

Перед самым входом я оглянулась в сторону озера. Пол шел к пристани, и Джони с Майклом рядом с ним, по-прежнему держась за руки. Я уже взялась за дверную ручку, собираясь войти в дом, когда Майкл вдруг, оглянувшись через плечо, посмотрел на меня.

Улыбнувшись, он вновь отвернулся.

¹ «Мимоза» – коктейль из игристого вина и апельсинового сока.

Глава 2

Том Бишоп, есть такой известный в узких кругах троеборец². А еще есть владелец компании, представляющей «лучшие в мире кукольные дома». Поиск в «Гугле» не выдал мне более содержательных результатов. А потом меня осенило: маленький восьмилетний Том редко появлялся в СМИ. Если его и упоминали, то не называя имени.

Другая ситуация с Лорой Бишоп. Я обнаружила много историй о женщине, убившей мужа, но обвинявшей в этом преступлении неизвестного убийцу. Преступление почти сошло ей с рук – и ее могли бы оправдать, если бы не показания, данные ее собственным сыном.

В течение нескольких минут я просматривала статьи, пожирая глазами фотографии дома Бишопов с закрепленной на двери полицейской лентой. Лора Бишоп – светская львица, известная в мире искусства, на первой фотографии снята без макияжа, с собранными в хвост волосами и темными безжизненными глазами. Вид ее там резко отличался от постановочных кадров в последующих, более длинных новостях об убийстве. Выйдя из «Гугла», я закрыла ноутбук.

Безумие какое-то...

Взяв ноутбук с кухонного стола-островка, я отнесла его обратно в гостиную и поставила на письменный стол у панорамного окна с видом на открытую террасу на берегу озера. Там, расположившись в удобных деревянных креслах, о чем-то болтала покинутая мной троица. Джони смеялась, откинув назад голову.

Я вела себя смехотворно. Вероятность того, что жених моей дочери – взрослая версия мальчика, с которым я общалась пятнадцать лет назад, баснословно мала. Но хотя поиск в «Фейсбуке»³ выдал много аккаунтов Майклов Рэндов, никто из них не походил на молодого человека, появившегося на нашей лужайке. И все же это ничего не значило. Жених моей дочери из поколения миллениалов, а многие молодые люди теперь избегали светиться на «Фейсбуке».

С тем же успехом я проверила «Инстаграм» и «Снэпчат».

Я слишком устала; может, в этом все дело. Мы с Полом выехали в наш дом у озера в четверг, надеясь избежать пробок, но не преуспели. Очевидно, несколько тысяч других людей вдохновились такой же идеей. Вместо четырех с половиной часов езды в оптимальных условиях мы тащились больше шести. К тому же прошлой ночью я плохо спала. В дачном доме мы жили без кондиционеров, поэтому ночью в спальне было слишком жарко и влажно.

«Проблемы богачей», – наверное, назвала бы такое неудобство Джони. И была бы права. Но, вдобавок ко всему, мне пришлось оставить несколько моих пациентов, включая одну особу, чье состояние меня особенно тревожило. Мэгги Льюис. Интересная и красивая молодая женщина с хронической депрессией и повышенной тревожностью. Когда она не принимала лекарства, ее психика начинала разваливаться; когда же сидела на них, то становилась вялой и набирала вес. Недавно она угрожала вновь отказаться от лекарств. Боюсь, уже отказалась. И, честно говоря, ее состояние меня беспокоило.

Всегда трудно вырваться в августе из города. Но мы с Полом много работаем – возможно, слишком много, – и отпуск для нас жизненно важен. И теперь с двумя нашими взрослыми детьми мы встречаемся только здесь. И все-таки вырваться сюда на недельку обычно непросто.

² Троеборье (триатлон) – вид мультисциплинарных соревнований (многоборья), где непрерывная дистанция гонки распределена между тремя видами спорта: плаванием, шоссейными велогонками и бегом.

³ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Собирая ингредиенты для четырех коктейлей – один из них безалкогольный, то есть чистый апельсиновый сок, поскольку у меня не оказалось никакого безалкогольного игристого, – я осознала, что не просто устала, а полностью выдохлась.

Мне стукнуло пятьдесят три года, и последние тридцать лет я работала как одержимая. Мы с Полом уже обсуждали это. Пора бы нам обоим притормозить. По крайней мере, немного снизить темп рабочей жизни.

Смешав напитки, я решила попробовать на вкус свой и залпом выпила три четверти. Отлично получилось. Затем, добавив себе апельсинового сока и более серьезную долю сухого игристого, я взяла поднос. На полпути к выходу вдруг остановилась. Перед тем как Джони огорошила нас новостью о помолвке, они провели в доме несколько минут. Приехав, успели лишь зайти и бросить свои сумки. Прямо при входе, у дверей.

Я узнала багажную сумку Джони – она у нее уже много лет: потрепанная фиолетовая торба на колесах. А темная кожаная сумка, должно быть, Майкла. И ее молния застегнута не до конца...

Глава 3

Всего лишь быстрый взгляд. Просто глянуть, не лежит ли сверху что-нибудь очевидное. Например, бумажник с документами.

Нет. Я начала копаться в сложенных рубашках и штанах. Под руку попало что-то плотное, пластиковое, типа твердого дезодоранта. Я сообразила, что там могут лежать туалетные принадлежности. Еще немного порывшись в его вещах, я слегка вспотела, чувствуя себя преступницей. Идиотский подход. Путь к пониманию личности Майкла – или моей интерпретации его личности – не в том, чтобы скрытно и тайно выяснить ее. Правильным подходом будет открытый разговор, непосредственное общение.

Взяв поднос с напитками с пола, я уже собралась встать.

– Вам помочь?

Голос прозвучал так близко, что я слегка вскрикнула. У входа, за сетчатой дверью от насекомых, стоял Майкл. Он открыл ее, когда я встала с подносом.

– Простите, – продолжил он. – Я подумал, что надо бы зайти сюда и посмотреть, не смогу ли я чем-то помочь... В общем, позвольте мне донести поднос с напитками.

– Спасибо. Да-да, конечно. Я просто не слышала, как ты подошел.

Едва не выронив поднос, я передала его Майклу.

«Приди же в себя! Господи, Эмили...»

Улыбнувшись, я отбросила в сторону челку и пригладила свои длинные, до плеч, волосы.

– С вами все в порядке? – Майкл выглядел озабоченным.

– Да, нормально. Спасибо за помощь. – Открыв сетчатую дверь, я жестом предложила ему выйти из дома.

Вместе мы прошли по вымощенной плиткой дорожке и спустились по склону. На полпути к пристани на высоком, вкопанном в землю флаштоке мягко полоскался на влажном ветерке звездно-полосатый флаг. В конце газона около берега темнела терраса подковообразной формы с тремя нашими причалами. Слева от них – двухместный лодочный сарай. Там хранились плавсредства – парусник и моторка.

По пути к озеру Майкл с восхищением оценил наши владения.

– Здесь у вас просто великолепно. – Он ловко, как официант, управлялся с подносом, держа его на пальцах и поддерживая край второй рукой.

– Вы уже бывали в Лейк-Плэсиде?

– Нет. Хотя давно хотел.

– Правда?

– Я читал об этих краях. Туберкулезные санатории, лечебные коттеджи... Джони показала меня немного сегодня утром, поэтому я уже видел некоторые дома. Большие веранды и все такое... – Он немного помедлил. – Здесь просто очаровательно. Сразу представляешь всех стремящихся сюда, к свежему воздуху горожан. В надежде на исцеление. Или хотя бы на то, что им здесь хоть как-то помогут.

Мы почти дошли до пристани, и у меня не осталось времени ответить ему или задать какие-то вопросы. Но в голове уже роилось множество мыслей. Джони жила довольно далеко от Лейк-Плэсида. В какую же рань они, должно быть, выехали, если у Джони осталось время устроить Майклу экскурсию по окрестностям? Когда же моя дочь начала проявлять интерес к истории Лейк-Плэсида? И еще важнее: где она познакомилась с этим парнем и почему они так спешат пожениться?

– Ага, вот они и вернулись с напитками, – обрадовался Пол. Он сидел, удобно откинувшись на спинку одного из деревянных кресел-шезлонгов. Мой муж вполне соответствовал типичным представлениям о преуспевающем архитекторе лет пятидесяти из округа Уэстче-

стер, владельце дома у озера в горах хребта Адирондак. Его белые брюки контрастировали с темно-синим поло. Он сидел, скрестив ноги и покачивая носком одного из мокасин. Если уж на то пошло, Пол вел себя излишне непринужденно. Видимо, всячески старался выглядеть спокойным.

Джони выбрала не типичную для нее одежду. Шорты цвета хаки, довольно консервативного покроя, и белый верх – блузка с застегивающимся на пуговицу воротничком. На ногах симпатичные сандалии, а ногти поблескивали лаком цвета лаванды. Ей хотелось выглядеть прилично, учитывая столь внезапное и ошеломляющее объявление. И она тоже слегка переигрывала.

Майкл искал удобное место для подноса, но мы еще не успели достать столик.

– Позволь мне. – Я вручила напитки Полу и Джони и, поставив свой стакан на подлокотник свободного кресла, оставила на подносе лишь сок Майкла с красной соломинкой.

Пол расставил кресла по кругу. На широкой террасе у берега места хватило всем. Как только мы все расположились, он сказал, подняв стакан:

– Ну, за Джони и Майкла. – Он глянул на них, затем поймал мой взгляд. – Пусть вам постоянно сопутствует удача.

– Поздравляю! – Мой возглас прозвучал слишком энергично и пылко, но мы все дружно чокнулись. После чего откинулись на спинки кресел и начали потягивать напитки.

Молчание начало затягиваться.

– Какое замечательное озеро! – Майкл посмотрел на воду. – Красивое, темно-синее, почти черное... А вы не знаете, какая в нем глубина?

– Доходит до ста пятидесяти футов. – Пол указал на какое-то место вдали от нашего берега. – А вот тут футов семьдесят⁴. Озеро довольно большое, более двух тысяч акров⁵. И с тремя островами посередине. Видишь?

Майкл затенил глаза ладонью.

– А я думал, что там уже другой берег...

– Нет, это остров Бак.

– Надо же! Красота!

Пока они говорили, я незаметно поглядывала на Джони. Она следила за их разговором, казалось, забыв обо мне. Но я понимала, что это не так. На самом деле она боялась. Джони росла сложным ребенком, просто взрывоопасной бунтаркой. А к подростковому возрасту... Ладно, мы пережили эти страсти. И она осталась целой и невредимой. Даже сильнее стала. Но в одной сфере давала слабину: она нуждалась в моем одобрении. Я никогда не провоцировала в ней развитие такой потребности, но та стала ее ахиллесовой пятой.

Мне нужно действовать деликатно.

– Ладно. Какие еще есть сюрпризы? Какая неделя беременности?

– Мам! – уклонившись от ответа, возмущенно воскликнула Джони, хотя и пряча улыбку.

– Я же пошутила.

Джони и Майкл обменялись долгим взглядом.

– Мы просто поняли, что так будет правильно, – глубоко вздохнув, изрекла Джони.

– Вот как... Уже хорошо.

– Я понимаю, что это кажется безумием, – игнорируя меня, поспешно продолжила она, – просто как в кино. Как в банальных мелодрамах. Но так уж случается порой и в реальной жизни. У нас общее восприятие мира, – она быстро глотнула коктейль – может, немного допинга для храбрости, – он отлично понимает меня... Я рассказала ему... Рассказала ему все.

«Все?»

⁴ 150 и 70 футов – около 46 и 21 м соответственно.

⁵ 2000 акров – около 8 кв. км.

Я перевела взгляд на Майкла. Как же трудно не смотреть на него! На его нос, ровные брови... На то, как падают на глаза темные гладкие волосы, когда он склоняет голову... Джони собиралась сказать что-то еще, но я прервала ее. Не выдержала.

– А что насчет тебя, Майкл?

Он мельком глянул на меня.

– В каком смысле, мэм?

– Зови меня Эмили.

– Я тоже знаю о Майкле все, – ответила за него Джони.

Опираясь рукой на подлокотник, Майкл с обожанием глянул на мою дочь. Затем сел поудобнее, видимо, задумавшись.

– Мое детство было не самым легким, но разве оно вообще бывает таким? Когда я познакомилась с Джони и мы узнали друг друга поближе, она рассказала мне о своем... бунтарском периоде... – Он улыбнулся, и она поддержала его. – И я тоже откровенно признался ей, что в моем прошлом было много потерь и горя. Достаточно всяких передраг.

– Мне жаль это слышать. – Я глянула на Пола, но он с напряженным вниманием взирал на Майкла.

Мне хотелось, чтобы Пол спросил Майкла, что же с ним случилось, но он не спросил.

И я тоже промолчала.

Ведь, вероятно, я это уже знала.

Глава 4

Пятнадцать лет назад в Бронксвилле, штат Нью-Йорк, посреди ночи забили молотком Дэвида Бишопа. На его собственной кухне.

Прибывшая по вызову полиция обнаружила взломанную заднюю дверь.

Они также обнаружили пребывавшую в безумном – истерическом – смятении жену Дэвида, с руками, покрытыми кровью мужа.

– Мы услышали шум, – сообщила она полиции, – и Дэвид спустился вниз. Не знаю толком... Может, минута всего и прошла. Потом я услышала голоса. И крики Дэвида... А потом... Потом увидела его тут... Его у... – Закончить она не смогла.

В доме полицейские также нашли восьмилетнего сына Дэвида, Томаса Бишопа. Когда они разговаривали с юным Томом, он объяснил, что его разбудил шум. Какие-то сердитые голоса, «шум страшной драки», сказал он, а потом крики.

– И кто же кричал?

– Моя мама.

Он застал ее на кухне, всю в крови, голова отца лежала у нее на коленях. И она крикнула Томасу позвонить в «девять-один-один», что он и сделал.

Началось расследование. Неоднократно прослушивали запись звонка Томаса Бишопа в службу спасения. Заднюю дверь исследовали, ища следы взломщика, сняли отпечатки пальцев в доме. У Бишопов работала система охранной сигнализации, но без камер слежения. Их большой, почти как особняк, дом окружали обширные газоны и живая изгородь. Обитатели этого богатого района не заметили ничего необычного и ничего особенного не слышали до прибытия «Скорой» и полиции.

Лора Бишоп также ничем не смогла помочь. Она не видела нападавшего. Голос его со второго этажа слышала приглушенно. Мужской голос, возможно человека лет тридцати-сорока, но с уверенностью она сказать ничего не могла.

Детектив из полицейского департамента Бронксвилла вскоре отправил это дело в Управление уголовного розыска штата. Шесть месяцев спустя расследование зашло в тупик. На двух человек, возглавлявших расследование, следователей Ребекку Муни и Стивена Старчика, постоянно оказывалось давление. Они получили несколько противоречивых заявлений от юного Тома Бишопа, а его родню беспокоило то, что неоднократные допросы со стороны правоохранительных органов усугубляли его травму.

Следователи обратились к окружному прокурору, а тот обратился к судье с просьбой о разрешении провести оценку психического состояния Тома.

Тогда со мной и связались. Обычно с чем-то подобным обращаются к детскому психологу полицейской службы, но я и до этого давала правоохранительным органам врачебные консультации. Мое имя, по-видимому, возглавило какой-то список где-то в штаб-квартире Управления уголовного розыска. Я не помню, как меня вызвали, но помню нашу первую встречу с Ребеккой Муни и как она, быстро сообщив суть дела, посмотрела на меня суровым взглядом своих голубых глаз и добавила:

– По-моему, мальчик что-то от нас скрывает.

– Понятно...

– Я тщательно изучила его показания, десяток раз просмотрев видеозаписи. И не смогла заключить, чем он травмирован. Может, он чего-то боится? Чего-то им увиденного?

Я согласилась, но неохотно. Чрезвычайно неохотно. За мою карьеру мне встречались исключительно честные служащие органов, как кабинетные, так и полевые. Но они просто люди – некоторые из них лучше других, как и везде – и порой впадают в отчаяние, когда шефы и окружные прокуроры дышат им в затылок. В полиции ведь есть понятие раскрывае-

мости: сколько дел довели до удовлетворительного завершения, посадив кого-то виновного за решетку.

И меньше всего мне хотелось помогать им заставить мальчика признаться в том, что именно он видел.

«Что, например? Если он видел нападавшего, то зачем это скрывать?»

После ряда словесных баталий я все-таки согласилась провести минимум три, максимум пять сеансов. Мы могли с ним просто поговорить, возможно – провести игровую терапию. Я ясно дала понять Муни, что меня больше интересует благополучие мальчика, что я буду на его стороне, а не органов. И сделаю отчет после сеансов и, возможно, разговоров с заинтересованными лицами – учителем Тома, опекуном и предыдущим терапевтом.

– Это абсолютно нормально, – согласилась Муни, – так и должно быть. Но нам, возможно, в определенные моменты между вашими сеансами придется говорить с мальчиком наедине. Конечно, если появятся новые доказательства.

Мне все это не нравилось, но так уж сложились обстоятельства. И через неделю я впервые встретила с Томом Бишопом.

* * *

– Мои родители погибли в автокатастрофе, – сообщил Майкл Рэнд.

Его слова вернули меня в настоящее.

Майкл умолк, а я пыталась осмыслить сказанное. Автомобильная авария?

– Мой отец, он... В общем, мой отец был склонен к алкоголизму, – добавил Майкл, – любил выпить. Поэтому я... – Парень глянул на меня и поднял свой стакан с соком. – *Именно поэтому я не пью.*

«Автомобильная авария, – подумала я, – все-таки не убийство».

– Прости, – сказала я, – я не знала, что...

– Нет, пожалуйста, вам не за что извиняться. – Он нахмурился, покачав головой. – Ведь вы просто вежливо себя повели. А у нас все же есть повод для праздника.

Я глянула на выражение лица моего мужа. Он выглядел задумчивым. Я люблю Пола, но его ум работает совсем не так, как мой, – возможно, отчасти поэтому наш брак успешно продержался тридцать лет, несмотря на некоторые трудности. После того как Майкл поведал нам о своем травмирующем прошлом, Пол задал вопрос:

– Итак, Майкл, чем же ты зарабатываешь на жизнь?

Майкл, казалось, обрадовался смене темы.

– В общем, я еще доучиваюсь. Поздно начал. Но подрабатываю плотником. В строительной конторе.

Пол засиял, как рождественская елка.

– А я, знаешь ли, архитектор, – сообщил он, подавшись вперед. – И вот строю лодку своими руками.

– Д-да. Джони говорила, – рассмеявшись, сказал Майкл.

– Я ведь рассказывала ему о вас, – вставила Джони. И, неожиданно, склонившись ко мне, взяла меня за руку: – Я вас расхваливала.

Майкл мило улыбнулся мне. Значит, он знает, что я психотерапевт. Боже, как же трудно понять – то ли он что-то скрывает, то ли я просто ошиблась... Авария? Неужели его физическое сходство всего лишь сходство?

Или третий вариант: может, тот маленький мальчик, так ловко отгораживающийся от опасной информации, с возрастом еще более преуспел в этой сфере? Вернее сказать, он придумал для себя другое прошлое: в новом прошлом его родители погибли в автокатастрофе, и у него есть даже причина отказаться от выпивки... Это удобно, ведь употребление алкоголя при-

водит к ослаблению запретов. Возможно, такая стратегия выбрана неосознанно, но она весьма разумна и действенна. Трезвость сводит к минимуму риск случайного выбалтывания правды.

«Ты сходишь с ума. Ради всего святого. Он не Том Бишоп».

Возможно.

Пока, в любом случае, мне придется принять на веру историю Майкла Рэнда. Дочь по-прежнему улыбалась мне – думаю, она просто рада, что я пока не выказала никакого внешнего неодобрения, – а Майкл и Пол уже увлеченно обсуждали достоинства строительных профессий.

И я предпочла переключить внимание на дочь. В конце концов, мы не виделись почти полгода. Едва ли не с Рождества. Я похвалила цвет ее волос – она сделала мелирование, осветлив некоторые пряди.

– Твоя прическа тоже отлично смотрится, – откликнулась Джони, – тебе идет такая длина.

Вскоре мы уже увлеченно обменивались новостями, а Майкл с Полом направились к лодочному сараю. Они решили взять моторку и прокатиться по озеру.

Мы с Джони следили, как они загрузились в лодку, и помахали им руками, заметив, что они запустили мотор и начали удаляться. Майкл помахал нам в ответ. Он смотрелся красиво даже издали. Отъехав подальше от нас, Пол вновь повернул лодку к берегу.

Мы с Джони направились к дому. К полудню все изрядно проголодаются. Мы немного поговорили о Шоне, старшем брате Джони.

– Он собирался приехать завтра, – сообщила я, – но ты же знаешь Шона.

– О да. – Джони закатила глаза.

Внутри она заметила брошенные на пол сумки.

– Я отнесу их в комнату, – сказала она, но задержавшись, вопросительно глянула на меня. – Ты не будешь против, если мы будем спать в одной комнате, хотя пока официально не женаты?

Ее голос прозвучал дурашливо, но я почувствовала скрытое напряжение.

Я еще не успела ответить, когда Джони, ахнув, склонилась к незастегнутой молнии на сумке Майкла. Порывшись в боковом кармане, извлекла кожаный блокнот и показала его мне.

– Знаешь, мам, он ведет дневник. Разве это не круто? – прошептала она, убрала блокнот обратно и застегнула молнию.

– Круто, – согласилась я.

Таща его сумку и свой чемодан к лестнице, Джони заметила:

– Что может быть не так с парнем, который ведет дневник?

Глава 5

Поначалу Том вел себя замкнуто. Не обращая внимания на игрушки в моем кабинете, он упорно пялился на свои кроссовки. «Найк», насколько я помню. Синие с золотистыми фирменными знаками. Его темные волосы падали на глаза. Время от времени он отбрасывал их в сторону и продолжал созерцать свои ноги. Или поворачивался к окну и смотрел на дома на другой стороне улицы.

Мне запомнился наш третий сеанс. До сих пор мы разговаривали обо всем, кроме самого преступления. Из «Людей Икс» Том, как оказалось, больше всего любил Росомаху. А его любимой видеоигрой стала «Покемон: Рывок».

Я не особо разбиралась в покемонах – мой сын Шон, в то время всего на два года старше Тома, никогда не проявлял повышенного интереса к видеоиграм. Но именно покемоны, возможно, напомнили мне о наших двух кошках. В семье Тома тоже жили кошки.

– Том, а где сейчас ваши кошки?

Он уставился в пол.

– У моей тети Элис.

– Они у вас пятнистые?

Он пожал плечами.

– А у нас живут две пятнистые. С симпатичными узорами. Правда, кот двухцветный, черно-белый... И знаешь, как мы назвали его поэтому? Бычок.

Том поднял глаза и улыбнулся, а я почувствовала прилив вдохновения, затылок начало покалывать. Так бывало не всегда, но иногда случались потрясающие моменты прорыва, когда перед вами открывался внутренний свет человека.

– А как зовут другую кошку? – спросил он с робкой улыбкой.

– Розы.

– Она красная, как роза?

– Нет, не совсем. Она трехцветная.

Громко вздохнув, мальчик опять опустил взгляд.

– Том?

– Ммм?

– Я знаю, что ты скучаешь по своему отцу. – Я впервые упомянула о нем.

– Да уж, – откликнулся Том.

– Мой отец тоже умер. Очень давно, но я до сих пор скучаю по нему. Когда он умер, я испытала множество разных чувств. Грусть, но и злость тоже. И знаешь что? Это нормально. Нормально испытывать разные чувства...

Немного подождав, я тихо и осторожно задала Тому несколько вопросов о той самой ночи. Но мальчик опустил взгляд, явно не понимая, что все-таки случилось с его отцом.

– Мне страшно, – сказал он.

– Почему?

Он не смог ответить. Я заметила, как по его щеке скатилась одинокая слеза. И тогда поднялась с кресла и подошла к нему. Положила одну руку ему на плечо и погладила его по голове.

– Я сочувствую тебе.

По полу прошла легкая вибрация. Я услышала, как приглушенно закрылась дверь. А секундой позже раздался стук. На пороге, теребя одной рукой другую, стояла моя ассистентка Мина, никогда не прерывавшая сеансов без крайней необходимости. За ее спиной маячили Муни и Старчик, два следователя.

– Простите, – прошептала Мина.

Приняв решение, я обратилась к Тому.

– Том, давай сделаем короткий перерыв, ладно? Может, ты хочешь зайти в туалет?

Он отрицательно покачал головой.

– А хочешь чего-нибудь перекусить?

Он кивнул.

Улыбнувшись, я попросила Мину угостить его.

– А я пока выйду ненадолго в соседнюю комнату, прямо за этой дверью, ладно?

– Ладно.

Я вышла из своего кабинета, желая сказать следователям пару ласковых. Нельзя же так просто прерывать сеанс. Я надеялась, что в дальнейшем они будут вести себя более тактично.

После того как Мина зашла в мой кабинет и закрыла дверь, Муни озабоченно взглянула на меня.

– Нам необходимо немного ускорить процесс...

– Ускорить?

– Послушайте, простите нас за вторжение. Но следствие-то ведь не стоит на месте...

– Что вы имеете в виду? – Я привыкла работать с правоохранительными органами и понимала необходимость осторожности. Но ее слова заставили меня нервничать.

– Я имею в виду то, что возник деликатный вопрос, – пояснила Муни. – Я поговорила с близким этой семье человеком. Дело в том... В общем, кое-что привлекло наше внимание.

Старчик стоял у двери в коридор, обшаривая комнату взглядом, как это делают копы. Он был одет в серый костюм, а глаза скрывались за солнцезащитными очками-«авиаторами».

Туманные намеки. Более чем туманные. Я покачала головой.

– Я лишь могу сказать вам, что у меня тут тяжело травмированный маленький мальчик, видевший своего отца мертвым на полу на кухне. И мне нужно, чтобы он заговорил об этом сам. Я не могу заставлять его.

– Вы говорили о трех сеансах...

– Я говорила минимум о трех, но возможны и пять, – парировала я тихо, но внушительно. – По-моему, ему необходимо что-то рассказать мне. Видимо, пока он подавляет какую-то информацию. У этого паренька есть тревожащая способность отсекающую лишнюю информацию, изолировать ее. Он очень умен, но у него посттравматическое расстройство. Он отгородился от каких-то воспоминаний о той ночи... Да, увидев мать, держащую в руках голову мертвого отца, он помнит пока только то, что не может причинить ему вреда, – закончила я, с трудом переводя дух.

Муни, чья макушка заканчивалась на уровне моего носа, вскинув голову, напряженно глянула мне в глаза.

– Возможно, это не все, что он видел.

– Не все?

Я взглянула на Старчика; он больше не обследовал комнату, а наблюдал за мной из-за своих зеркальных стекол.

– Мать мальчика собирается покинуть штат, – выдал он. – Они уезжают. Меньше чем через неделю она сядет в самолет и планирует взять его с собой.

– Доктор Линдман, – начала Муни, подходя ближе ко мне, – мы понимаем, что вы не обязаны делать работу за нас. Вам необходимо лишь представить нам на рассмотрение вашу оценку. И нужно, чтобы вы сделали это как можно скорее. У нас очень мало времени.

Казалось, они говорили о чем-то большем, чем просто описание убийцы. У меня пересохло в горле.

– Я сделаю все возможное. Когда Том будет готов, он скажет мне, что видел. Но только когда будет готов.

Глава 6

Я ждала возвращения с озера Пола и Майкла. Они катались около часа. Причалив к пристани, бок о бок поднялись к дому уже как пара старых приятелей. Да, Пол умел находить общий язык с людьми и всюду пользовался своим умением. Благодаря этому у него было много друзей, но психотерапевт из него получился бы никудышный. Для проведения психотерапии необходимо сохранять определенную дистанцию. Необходимо установить определенные границы. Без границ можно потерять не только объективность, но и сочувствие.

Я видела, как молодые терапевты попадали в эту ловушку. Они думали, что близость дает путь к исцелению. Но она может привести к осложнениям, даже сильно навредить.

– Привет, жена! – подойдя ко мне, воскликнул Пол. Отвороты на брюках у них обоих потемнели от озерной воды.

– Похоже, вы, ребята, весело провели время?

– Майклу очень понравилась наша прогулка, – с гордостью заявил Пол.

– Я вырос около океана, и там прекрасно, но в этих ледниковых озерах есть нечто особенное, – сказал Майкл. – Эти их холодные и темные глубины...

Оба они улыбались. Ни малейшего намека на то, что у них возникли трудности в общении: исключительно доброжелательные эмоции и связи. Но всякий раз, когда я смотрела на Майкла, его взгляд, казалось, сразу менялся, словно ему хотелось что-то скрыть от меня.

– Что ж, – сказал он, – наверное, пора мне найти Джони. Она в доме?

– Да, на втором этаже.

– Вперед, – откликнулся Пол, – устраивайтесь там поудобнее.

– Ладно, спасибо. – Прежде чем двинуться дальше, он одарил нас очередной быстрой сияющей улыбкой.

Мы смотрели, как он приблизился к крыльцу и вошел в дом.

Я больше не могла молчать. Пол, должно быть, прочитал это на моем лице, потому что уголки его губ опустились, а брови озабоченно нахмурились.

– В чем дело?

Пытаясь изображать непринужденность, я взяла его под руку и повела к подъездной дорожке. Там стояли наш «Рейнджровер» и старый, всегда находящийся здесь пикап «Форд». За ними пристроилась «Субару» Джони. Гараж, где обычно стояли наши машины, теперь служил мастерской Пола. Он строил там лодку, и этот процесс длился уже четвертое лето. Муж поклялся, что закончит строительство до того, как мы вернемся домой в конце следующей недели.

Я завела его внутрь, где в нос сразу бросился запах отшлифованной древесины. Здесь нас не могли увидеть и услышать из дома.

– Эми, что с тобой? Что происходит?

Мы остановились возле его недостроенной лодки. Она лежала вверх днищем, уже обструганным и отшлифованным. Не в силах противиться своему желанию, Пол глянул на свое творение и погладил крутой борт. Но взгляд его все-таки вернулся ко мне.

– Ну да, – сказал он, – это кажется безумием. Но ты же знаешь Джони. От нее и не того можно ожидать. «Порой остается только посмеяться, настолько это безумно»⁶. Верно же? Правда, Эми, он кажется славным парнем. Знаю, ты думаешь, что мне все нравятся. Но он вроде действительно влюблен в нее. Он даже...

– По-моему, он мой бывший пациент.

⁶ Слова из песни «Барэнгривль» канадской фолк-рок-звезды 1970-1980-х Джони Митчелл, в честь которой, вероятно, супруги назвали дочь.

Рука Пола замерла. Глядя на меня, он рассеянно хлопнул ладонями, стряхнув с них пыль.

– Что?

– Я занималась с ним пятнадцать лет назад.

– Чем... То есть...

– В связи с расследованием убийства. Полиции штата потребовалась оценка его психического состояния. Помнишь? Следователь Муни.

Я видела, что Пол вспомнил – его взгляд резко изменился.

– Бишопы, – задумчиво произнес он.

– Да.

– Так это он? – Муж махнул рукой в сторону дома. – Тот самый мальчик?

– Я так думаю.

Рука Пола упала. Он шагнул ко мне.

– Думаешь? Или знаешь?

– Я думаю, что помню его. Он выглядит точно так же, как стал бы выглядеть Том Бишоп в двадцать три года. В точности так же.

– Но ведь он... Майкл Рэнд...

Я ждала, выразительно глядя на мужа, приглашая его самому обдумать сказанное.

– Может, сменил имя? Из-за того, что случилось...

– Думаешь?

– Но ведь он тогда был еще ребенком...

– За ним же присматривали. Во-первых, его тетя и дядя. Сестра Дэвида Бишопы с ее мужем. Именно они в результате взяли Тома... после окончания расследования.

Пол изумленно таращился в стену, но в итоге пристально взглянул на меня:

– А как их фамилия?

– Я думала об этом. Сомневаюсь, что смогу так просто вспомнить ее, но почти уверена, что не Рэнд.

– А ты можешь проверить? Можешь каким-то способом выяснить это?

– В общем, смогу, наверное. По моим записям, но они в офисе. И я мало что записывала, только несколько заметок для себя, а сделанный отчет суд засекретил. В силу того, что Том был несовершеннолетним.

Умолкнув, я понаблюдала за Полом и заметила, как его взгляд опять как-то потускнел.

– Такая вот история, – изрекла я.

– Ну, не знаю, – внезапно Пол покачал головой. – Ведь ты же не уверена...

– Ну да, не на сто процентов.

– Может, чисто внешнее сходство?

– Ну да, поразительное сходство и... – «И то, что я чувствую, глядя на него».

– Милая, я так не думаю, – Пол опять тряхнул головой. – Я ведь провел целый час с этим парнем. И к тому же довольно хорошо разбираюсь в людях. Он же рассказал нам, что случилось с его родителями. Сама понимаешь: можно, допустим, сменить имя, но к чему выдумывать фальшивое прошлое? – Муж покачал головой. – Это всего лишь сходство, и ничего больше.

Мне не хотелось спорить, даже понимая, что мое молчание так же похоже на отрицание, как и логика моего мужа. Но меня не покидало странное чувство.

Точнее, воспоминание. Обрывки воспоминаний.

Воспоминаний о мальчике, видевшем нечто ужасное.

* * *

Оставалось десять минут до конца нашего последнего, пятого сеанса. Слова Муни не выходили у меня из ума с того самого дня, когда она со Старчиком прервали наш сеанс. «Воз-

можно, это не все, что он видел». И ощущение срочности. Мне это не нравилось; срочность была проклятьем для моей практики, но я понимала ее необходимость.

И тогда я задала нужный вопрос.

– Том?

Он взглянул на меня. Возможно, услышал особую интонацию моего голоса: догадался, что мне нужно узнать что-то от него. Или подумал: нужно что-то сказать мне ради отца.

И вот как я решила подступиться к этому вопросу.

– Если бы твой отец мог поговорить с тобой сейчас, что бы он сказал сделать? Если ты что-то видел, если видел то, что случилось с ним – не после, а прямо во время, – то не думаешь ли ты, что он хотел бы, чтобы ты все рассказал?

Том сначала бесстрастно смотрел на меня. Подавляя желание сказать больше, я упорно молчала, давая ему возможность самому все обдумать. А потом его лицо изменилось – оно будто начало обваливаться.

Раздался странный звук – сначала я не поняла толком, откуда он исходил. Ужасный звук, похожий на стон, нечеловеческий и в то же время истинно человеческий. Он исходил от мальчика.

Открыв рот, Том глотнул воздуха и продолжил стонать на той же мучительной ноте. Слезы переполнили его глаза и потекли по вспыхнувшим щекам.

В страшном волнении я поднялась с кресла. Что с ним происходит? Что же мне делать? Да нет, глупость... Я же часто видела, как люди плачут, вопят, рыдают – видела выплески самых разных чувств. Ладно, может, не таких странных чувств... Тут ведь восьмилетний мальчик испускает дикий стон измученной души. Именно так он воспринимался. Как стон безмерного страдания.

– Том... – начала я, постаравшись придать голосу успокаивающий оттенок. Я противилась желанию подойти к нему, но все-таки протянула руку, и мои пальцы замерли лишь в метре от его лица.

– Я видел, – удалось ему выдать.

– Хорошо, – я сдержанно вздохнула, – хорошо, Том. Ты видел... Ты видел то, что случилось с твоим отцом?

Том снова застонал, скорее даже заскулил, но уже тише. Блеснув белками глаз, он искоса глянул на дверь. Как будто вспоминал приходивших полицейских, опасаясь, что они могут вернуться. Или могут подслушивать с той стороны двери.

– Я видел ее, – наконец изрек он.

– Ты видел ее? Твою мать?

Казалось, Том по-прежнему описывал свое обнаружение смерти отца.

– Я слышал их, – добавил он, всхлипывая и поскуливая так, словно каждое слово доставляло ему физическую боль. – Они кричали друг на друга.

Я не стала перебивать его. Полиция ведь говорила, что в доме были признаки взлома. Что кто-то вломился в их дом, и Дэвид Бишоп кричал, столкнувшись со взломщиком.

– Меня разбудили их крики, и я спустился в кухню.

Это уже нечто новое. Трудно было сказать, о ком он сейчас говорил, о взломщиках или о своей матери. Мы вступили на неведомую территорию.

– Я спустился... спустился и увидел, как они дерутся.

Я сочла, что пора вступить в диалог. Прояснить ситуацию.

– Взломщик с твоим папой?

Том взглянул на меня – мне никогда не забыть мучения, горевшего в его светлых глазах, – и покачал головой. Издав последний стон, он судорожно вздохнул и сказал:

– Мама с папой. Дрались. И мама держала молоток.

Часть II

Глава 7

Я должна узнать.

Во-первых, такое сходство поразительно. Все мы слышали истории о том, что у каждого в этом мире есть двойник, – может, тут именно тот случай... Или, возможно, время исказило мои воспоминания... Это было бы прекрасно. Я предпочитала возможность деменции или излишне богатое воображение такой альтернативе: Майкл искал нас по какой-то причине. Месть? За то, что я помогла разблокировать правду и его мать осудили за тяжкое убийство?

Но вероятность того, что Том назвался Майклом, и уже Майкл просто случайно познакомился и стал встречаться с моей дочерью, да еще *предложил ей руку и сердце* – простодушно забыв о времени, проведенном нами вместе, – слишком высока. Слишком много совпадений. А из своего опыта работы с правоохранительными органами – как, впрочем, и из собственного психотерапевтического опыта – я узнала, что случайные совпадения крайне редки. Обычно есть скрытая связь.

Последняя возможность такова: Майкл действует бессознательно или, по крайней мере, полусознательно. Глубины памяти подобны диким зарослям. У меня были пациенты, забывшие целые периоды своей жизни. Пациенты порой многое забывают, путая персонажей из своего прошлого и членов семьи, путая незнакомцев с друзьями. Мы, люди, любим блокировать неприятное. Особенно в травматические моменты. Мы быстро и тщательно прячем болезненные переживания в ментальный сундучок, запираем его и выбрасываем ключ в глубокий колодец.

Попивая кофе, я задумчиво смотрела на озеро через видовое окно нашей гостиной. Пол сейчас как раз вышагивал там по склону, управляя газонокосилкой. Обычно за порядком здесь приглядывает наш управляющий, но в августе мы даем ему отпуск. Да Пол и сам любит покосить, особенно когда ему есть о чем подумать. И, полагаю, я только что подкинула ему пищу для размышлений.

Мы с Полом пока не пришли к согласию. Он считал, что это совпадение. Но, зная меня, он знал и мою целеустремленность. И понимал, что я не успокоюсь, пока все точно не выясню.

Я ждала, по возможности терпеливо, когда дети спустятся. И появившись через полчаса, оба они заметно раздружились. Джони переделалась в купальник, а Майкл – в плавки.

– Мам, мы собираемся искупаться. А потом съездить в поселок. Хорошо?

– Разумеется, – я обхватила ладонями кружку кофе. – Развлекайтесь.

Они выбежали из дома, как парочка подростков. Да они еще, в сущности, оставались детьми. Им ведь едва за двадцать... Я смотрела, как они сбегали к озеру по траве. Пол улыбнулся и приветливо махнул им рукой. Едва они добежали до берега, Майкл вдруг подхватил Джони на руки и пронес, как невесту через порог, до конца террасы, где сделал вид, что хочет бросить ее в воду. Она устроила из этого бурную сцену, брыкаясь и откидывая назад голову, отчего ее длинные осветленные волосы раскинулись красивым веером. Наконец он опустил ее на причал, и Джони тут же нырнула в озеро. Майкл подождал, когда она вынырнет.

Наши дети, Джони и Шон, жили здесь с самого детства. Пол купил этот участок, когда Шону было всего два года, а Джони еще только ожидалась. Плавать она научилась здесь в пять лет. Я заметила, как дочь, проплыв десяток секунд под водой, вынырнула уже довольно далеко от берега, и тогда вслед за ней прыгнул Майкл.

Самое время. Отвернувшись от окна, я направилась на второй этаж. Я не гордилась тем, что собиралась сделать, но мне удалось договориться с собственной совестью: ведь нужно найти лишь данные о его личности. Я вовсе намерена читать личные мысли Майкла.

Ступеньки закрипели под моим весом. Пол ненавидел скрип этой лестницы, считая его конструктивным недостатком. У моего мужа забавный характер: спокойный по жизни, даже медлительный, он тяжел на подъем, но если дело затрагивает его работу, то становится самым беспощадным перфекционистом. Может, как раз потому, что он так уперт в своем деле, легче воспринимает все остальное, чтобы оставаться в здравом уме.

В комнате дочери пахло сексом. Кровать не разобрана, только смято покрывало. Сморщив нос, я открыла створки окна, чтобы немного проветрить. К счастью, это окно ее комнаты выходило на другую сторону дома, так что с озера моих действий не могли увидеть. А за домом – густой лесок с соснами, елями и березами. И тропа, скрытая в пышной зелени. От исходной застройки остался лишь едва заметный теперь старый сарай.

Вокруг озера Плэсид и соседнего с ним озера Саранак изначально строились модные курорты. Как упомянул Майкл, для богачей, бежавших от городского смога дышать чистым горным воздухом в надежде не умереть от туберкулеза. И многие выжили. Они проводили месяцы – а то и годы, – спасаясь от смерти на просторных верандах, закутавшись в пледы и натянув на головы вязаные шапки.

И никто не смог остановить поток отдыхающих, привлеченных шансом вернуть здоровье, не жертвуя привычной им роскошью. Опытные местные охотники и рыболовы стали проводниками для богачей, заводили горожан в лесные дали, готовили форель на кострах и, перебирая струны банджо или гитар, рассказывали им байки о «заповедных северных краях». Народ понастроил здесь бревенчатые дома, украшая их оленьими головами, чучелами черных медведей и красочными коврами, сотканными вручную коренными американцами. Обзавелся соответствующим охотничьим реквизитом типа трофейных корзин, снегоступов и ружей с черным порохом. А назвали эти поселения «Большими стоянками».

Когда мы купили этот участок земли, на ней находилась одна из тех самых пришедших в упадок «Больших стоянок». Пол подсчитал, что ее восстановление обойдется нам дороже, чем снос и строительство нового, более современного дома. Он наслаждался сложностью проектирования собственного жилища.

Сумка с вещами Майкла стояла на полу спальни около шкафа. Центральная молния была застегнута, но боковой карман, куда Джони сунула обратно дневник, приоткрылся. Присев рядом с сумкой на корточки и представив себя отчасти собирающим улики детективом из телесериала, я приоткрыла карман пошире с помощью захваченной снизу ручки. Ежедневник в кожаном переплете оказался на месте. Ручка мне пока не понадобилась. Оглянувшись через плечо на дверь спальни, я вытащила дневник, развязала веревочку и открыла его. Затаив дыхание, пролиставала первые пару страниц, улавливая лишь обрывки фраз и даты. Я намеренно старалась просто найти нужные сведения, не вникая в смысл всего написанного. Майкл заслуживает права на личную жизнь, хотя я сразу автоматически оценила его почерк – крупный, массивный, избыточный, – как и то, что записи делались и черными, и синими чернилами, и даже карандашом.

Пролистав дневник до последней заполненной странички, я обнаружила, что Майкл успел исписать примерно две трети блокнота. Похоже, он вел дневник около полугода и за это время успел настроичить довольно много. Молодые люди иногда, конечно, ведут дневники, но в наши дни это кажется весьма необычным.

Иногда у меня бывали пациенты, которым, на мой взгляд, полезно было бы вести дневник, и я советовала им записывать свои мысли. Но далеко не всем. Некоторым с трудом удается начать писать, либо потому, что это просто неестественно для них – им более удобно выражаться невербально, – либо потому, что это занятие слишком болезненно для них. Данный

процесс вынуждает их выудить ключ из глубокого колодца, чтобы открыть потайной сундучок памяти.

Однако Майклу, похоже, писалось легко. Как бы я ни пыталась искать только четкие сведения – цифры, адреса, – мне не удалось не заметить некоторых деталей...

«Понедельник, 4 апреля. День сегодня выдался трудный. Сижусь в поезде, наблюдая за пассажирами – все скрыли лица за газетами или уткнулись в планшеты или смартфоны. В основном в смартфоны. Даже люди, сидевшие в вагон вместе, теперь не разговаривают, а просто увлеченно пялятся в свои телефоны. Неужели никто теперь просто не смотрит в окно?»

Так, кажется, он романтик... Может, даже идеалист. Хотя не особо оригинален в своих наблюдениях. Тем не менее я очарована. Понятно, почему мою Джони потянуло к парню с душой поэта.

Я уже собиралась закрыть дневник – чем дальше я его листала, тем глубже испытывала чувство вины, – но что-то заставляло меня медлить.

Значит, он писал это, сидя в поезде... Каким поезде? Я полистала страницы, ища любое упоминание о каком-то месте. Листала уже несколько минут. Собиралась уже сдать, но вдруг:

«...отчасти поэтому это место так очаровательно. В нем есть что-то и от пригорода, и от города. Как интересно место жительства формирует людские натуры! И всего-то за пару поколений. Лонг-айлендцы выделили в практически особый вид...»

Я заметила, что в дневнике полно подобных философских наблюдений, но впервые в них прозвучало конкретное название. Майкл недавно признался, что вырос на берегу океана, и, черт побери, название «Лонг-Айленд» навевает какие-то воспоминания. О каких-то людях.

Бликеры.

Арнольд Бликер, по-моему, и его жена – ее имя я забыла. Но именно в семье своих дяди и тети жил Том, пока его мать ждала решения суда. И, насколько я знаю, он жил у них и после того.

Быстро закрыв и завязав дневник, я сунула его обратно в сумку и убедилась, что оставила все в неизменном виде. Я не нашла ничего определенного – Лонг-Айленд огромный остров, его береговая линия тянется на сотни миль, – однако появилось очередное совпадение...

Совпадения уже и впрямь начали накапливаться.

Выходя из комнаты, я услышала мелодичный рингтон с вибрацией. Популярная песня доносилась из телефона Майкла, видневшегося из-под подушки. Входящий звонок, номер отобразился на экране. Код «315». Центр штата Нью-Йорк.

Я ждала, чувствуя, как быстрее забило мое сердце. И тут же мысленно обругала себя за дурацкое волнение.

Рингтон затих. Я задержалась еще на мгновение, и телефон просигналил о приеме сообщения. Несмотря на режим блокировки, текст появился на экране.

«Привет. Ты уже там? Как все прошло?»

Затем, секундой позже:

«Они купились?»

Глава 8

Снаружи только что затихло тарахтение газонокосилки Пола. Он закончил работу? Возвращается в дом? Положив телефон обратно под подушку, я быстро покинула комнату Джони и перешла на другую сторону коридора в нашу спальню. Там спим мы с Полом, и из нашего окна открывается вид на озеро. Я увидела, что он еще стоит на газоне, старательно вычищая комки из агрегата.

Окинув взглядом озеро, я поискала головы Джони и Майкла, но никого не заметила. Полотенца лежали на причале; значит, они еще резвятся в воде и дома появятся не скоро. Но потом я заметила кое-что: легкие волны за стенами лодочного сарая явно показали, что там только что кто-то проплыл. Вздохнув с легким облегчением, я вновь побежала в спальню Джони.

И вновь взяла телефон.

«Они купились?»

На что купились? Я догадывалась, на что: «Купились на твою фальшивую историю, Майкл? На сфабрикованное прошлое с твоими погибшими в автокатастрофе родителями? Они поверили, что ты милый и искренний парень, а не социопат? Что ты не планируешь отомстить той женщине, которая пятнадцать лет назад помогла обвинить в убийстве твою мать?»

Может быть. Может быть, именно такие вопросы остались недосказанными, но уверенности у меня нет.

«Ты уже там? Как все прошло?»

Эти вопросы безобидны. Они вполне могут относиться к объявлению помолвки. И к реакции родителей невесты.

Однако:

«Они купились?»

Это уже наводит на подозрения. Вопрос с особым подтекстом. Он подразумевает какой-то обман.

Я опустила телефон, но еще немного помедлила, вспоминая заголовки тех давних дней, бегущие строки новостей на кабельных каналах: «Жительница Бронксвилла признала себя виновной в убийстве мужа».

Бронксвилл. Один из самых богатых пригородов в одном из богатейших округов США. Так почему же она это сделала? Из-за денег, конечно. Такова была главная версия. Даже левые и правые СМИ пришли к согласию: жестокая, жадная до денег особа. Когда муж отказался предоставить ей большие деньги на роскошные покупки, она инсценировала взлом и убила его ради страховки.

Несогласных с такой версией оказалось мало. Редкие журналисты указывали на то, что Лора Бишоп, вообще говоря, сама хорошо зарабатывала – она руководила художественным салоном, и картины некоторых ее выдающихся клиентов выставлялись в Музее современного искусства в Нью-Йорке, в галерее «Тейт Модерн» и так далее. «Ах, – возражали им, – на этом больших денег не заработаешь». Но если доходы Лоры и оценивались – а они, безусловно, оценивались, – я этих оценок не видела.

Кроме того, в конце концов, Лора Бишоп пошла на сделку. Она признала себя виновной в менее тяжком преступлении – убийстве второй степени, то есть в спонтанном, а не преднамеренном. Ей дали двадцать пять лет. Когда она выйдет, ей будет за шестьдесят. Лучшие годы будут безвозвратно потеряны.

Она не пыталась оспорить приговор. В последнем слове Лора Бишоп, заявив, что находилась в здравом уме и понимала, что делала, признала себя виновной. Дело закрыли.

В памяти ясно всплыл тот день, когда я сидела в задних рядах зала суда. Слава богу, Тома там не было. Он был где-то со своей тетей. Но его дядя пришел в суд, как раз его имя я только что вспомнила: Арнольд Бликер. Высокий и тощий мужчина, зять Лоры. Помню, мы с Бликером всего один раз встретились взглядами. Как раз после того, как Лора, стоя в оранжевой робе, признала свою вину. Арнольд посмотрел на меня сквозь медленно движущееся море людей, покидавших зал суда. Похоже, он узнал меня и как будто понял, что именно я выудила правду у его племянника. Но, конечно, этого не могло быть: наши с Томом сеансы оставались строго конфиденциальными.

Если только сам Том ничего ему не сказал. Много ли мог понять восьмилетний мальчик? Скуля и плача, он признался мне в своей тайне. Вскоре после этого полиция взяла у него показания. Я понимала, что такое заявление будет иметь решающее значение, и оно оказалось краеугольным камнем в деле против Лоры Бишоп, но такой маленький мальчик мог не знать этого. Вдобавок прошло много дней между его мучительным признанием мне и тем слушанием, где Лора признала себя виновной. И еще больше времени прошло до того, как ему наконец сообщили, что его мать отправляется в тюрьму.

Что мог мальчик понимать в системе уголовного правосудия? В лучшем случае он осознавал, что ему предстоит сыграть свою роль.

«Они купились?»

Я все еще стояла в спальне Джони, держа в руке телефон Майкла и глядя на подозрительное сообщение.

«Достаточно», – подумала я. Вернув телефон на кровать, развернулась к выходу из комнаты. Сердце у меня вдруг екнуло, к горлу подступил комок.

На пороге стоял Пол. Он вспотел и пропах скошенной травой.

– Что ты здесь делала? – нахмурившись, спросил он.

– Ничего. – Протиснувшись мимо него в коридор, я направилась к лестнице.

– Я звонил тебе, – сказал он.

– Правда? – Я остановилась на полпути вниз.

– Да. Пришел в дом и не смог тебя найти.

Я молча ждала продолжения.

– Выяснила что-нибудь? – вскинув голову, спросил Пол.

– Нет, – быстро ответила я. Практически не соврав. Я не нашла ничего конкретного, просто оживила воспоминания, и теперь мне захотелось найти Арнольда Бликера и его жену. Как же все-таки ее звали? Возможно, Элис?

– Ладно, какие у нас планы? – продолжил Пол. – Обед там, ужин?.. Может, съездим куда-нибудь отпраздновать?

В своем глубоком смятении я не думала о том, как мы формальноотреагируем на помолвку нашей дочери. Даже если я тайно копалась в прошлом, пытаясь получить ответы, то в настоящем лучше соблюдать все приличия. Особенно если мои догадки окажутся полной ерундой.

Пол еще стоял на втором этаже. Сняв мокасины, он остался в белых носках с зеленой полосой от травы вокруг лодыжек.

– Как насчет ужина в «Интерлейкене»? – предложил он наш любимый ресторан. – Если только ты не думаешь, что лучше отправиться куда-нибудь пораньше. Полагаю, это может быть даже удобнее и...

– Позволь мне самой подумать насчет ужина. – Отвернувшись, я продолжила спуск. Но перед тем как удалиться за пределы слышимости, добавила: – А в холодильнике есть холодные закуски на обед, если проголодаешься: хлеб и всякие разносолы... Сделай себе сэндвич. Я скоро вернусь. Мне нужно ненадолго отлучиться.

Глава 9

Сотовая связь у озера, как правило, ловит ужасно, поэтому я запрыгнула в «Рейнджровер» и поехала вниз по ухабистой грунтовой дороге. Глянув в сторону причала, увидела только полотенца, но никаких признаков детей.

Грунтовка перешла в узкую мощеную дорогу. Я ехала медленно. С двух сторон эту дорогу окаймляли заросли кустарников – среди них попадалась и вкусная дикая малина. Очередная дорога уже вела к поселку. Мне не требовалось заезжать слишком далеко – едва появился стойкий сигнал, я съехала на обочину и сделала звонок.

Мина уже много лет работала у меня ассистенткой. Мне на редкость повезло с ней. Пол однажды заметил, что я так люблю Мину, потому что все ее амбиции ограничиваются ролью моей помощницы. «Ты прав, – признала я, – мне нравятся люди, умеющие держать свое эго под жестким контролем».

Но телефон Мины оказался переведенным в режим приема голосовой почты.

– Привет, это я, – сказала я. – Надеюсь, у тебя все хорошо, но не могла бы ты найти кое-что в задней комнате? Досье на Тома Бишоп; не знаю, помнишь ли ты его... У меня просто... В целом все хорошо, просто кое-что всплыло, и...

Тут я услышала новый странный сигнал. Теперь, когда мой телефон снова поймал хороший сигнал, он принял сообщение на голосовую почту. И я узнала номер звонившего.

Все еще разговаривая с голосовой почтой Мины, я добавила:

– О, я вижу, что мне поступило голосовое от тебя. Странно... Ладно, сейчас проверю и... О, черт...

Замолчав, я дождалась, когда автоматический голос спросил меня, сохранять ли сообщение. Когда это произошло, я решила его отменить. Боже, у меня уже язык начал заплетаться.

«Они купились?»

Все ясно, я перенервничала. И не стыжусь этого. Выдалось чертовски странное утро. Неожиданное. И передо мной маячила малоприятная дилемма – вернее, я видела, как она приближается. Если я смогу убедиться, что Майкл Рэнд – тот, о ком я думаю, что я вообще буду в состоянии сказать моей дочери? Ничего конкретного, очевидно. Только самое необходимое. Но мне не легче даже от такой перспективы. Я могу придумать лишь туманную причину того, почему, на мой взгляд, Майкл ей не подходит. Так почему же? Нет, черт побери, ни одного шанса, что это работает.

Я получила и прослушала сообщение от Мины.

– Привет, миссис Линдман.

Она всегда так называла меня. Даже после одиннадцати лет совместной работы. К этому я привыкла, однако сейчас меня встревожил тон ее голоса. И пока она говорила, мне поступило еще несколько голосовых сообщений.

– У меня плохие новости, – сообщила Мина. – И мне подумалось, что вы захотите узнать сразу же. Я пыталась дозвониться до вашего дома у озера, но никто не ответил. В общем... такое дело: умерла Мэгги Льюис. Покончила с собой прошлой ночью. Ее нашел домовладелец сегодня утром.

«О нет...» Я невольно зажала рот ладонью.

– Все знают, что вы в отпуске, – продолжала Мина. – Нам в офис звонил полицейский... Сержант Рэймс... И сказал, что, обнаружив ваше имя в ее телефоне, узнал, что вы ее психотерапевт, и просто хотел связаться с вами. Рэймс сказал, что вы можете позвонить ему в любое время, и оставил номер своего мобильного.

Переслав мне его номер, Мина вновь выразила сожаление, после чего я внесла этот номер в свои контакты.

Бедняжка Мэгги Льюис... Всегда ужасно, когда пациент впадает в отчаяние. Мы делаем все возможное, чтобы помочь им, строим планы их выздоровления, сотрудничая с их врачами и психиатрами... Но мы не в силах контролировать все. Мэгги страдала тяжелой депрессией.

Я просто не ожидала такого исхода.

Обдумав полученные новости, я вспомнила о других пропущенных звонках. До сообщения Мины поступило сообщение с номера с окружным кодом Уэстчестера. Возможно, из полиции Бронксвилла. Либо из офиса звонил Рэймс, либо со мной пытался связаться дежурный офицер. Я знала сержанта Рэймса – мы беседовали с ним по следственным делам несколько раз. Но перед тем как перезвонить ему, я попыталась узнать третий номер.

Неизвестный мне номер. С него поступил последний вызов, но так как мой телефон не принимал, он не записал время.

Сообщение длилось четырнадцать секунд. Достаточно долго, чтобы кто-то оставил свое имя и причину звонка. Но когда я приняла его и приложила телефон к уху, то услышала только тишину. Заткнув свободное ухо, я напрягла слух. Ничего, только белый шум.

Хотя, может быть... Возможно, на заднем плане слышался какой-то невнятный шепот. Но я не смогла разобрать ни слова. Сообщение закончилось.

Окна «Рейнджровера» были закрыты, но работал кондиционер. Я уменьшила вентиляцию и выключила двигатель. Теперь стало совершенно тихо. Я стояла на обочине почти пустой дороги. Дождавшись, когда проехал одинокий пикап, вновь включила странное сообщение. Подавшись вперед и зажав пальцем ухо, я напряженно вслушивалась в какой-то тихий шум.

Тихое, казалось бы, фоновое шипение... А потом тихий голос. Как будто издалека. Или чем-то приглушенный... Возможно, из-за двери...

«Я хочу вернуть мою маму...»

Глава 10

– Доктор Линдман, – сказал сержант Рэймс, – спасибо, что перезвонили.
– Разумеется.
– Я так понял, вы уехали.
– Да. Я на севере штата. Мы с мужем отправились в наш ежегодный отпуск.
– Хорошо. Послушайте, я отвлеку вас всего на минутку. Мне надо выяснить несколько вопросов.

– Какая трагедия, – откликнулась я, – ужасная новость. Мне так жаль ее...
– Да, ужасно жаль. Такая красивая молодая женщина... Впереди могла быть целая жизнь... Значит, вы были ее врачом, верно?

– Ее клиническим психологом, психотерапевтом.

– То есть вы не были ее психиатром?

– Нет. У меня есть докторская степень, но я не врач. Я не назначала ей никаких лекарств. Я занималась с ней так называемой разговорной терапией. – Я выдала эти излишние для него сведения, испытывая, однако, смутное беспокойство.

– Ладно. Понятно. Но ее ведь наблюдал один из таких специалистов? Психиатр?

– Да. В общем... тут сложное положение. – Я решила поведать ему краткую и весьма тактичную версию тайной истории ее болезни. – Мэгги Льюис не нравилось принимать лекарства, и она часто меняла психиатров.

Я умолчала о том, что последний специалист выписал ей тот же антидепрессант, что и предыдущий, усугубив ее недавнюю гнетущую тревогу, о чем она и рассказала мне. Так как я не использовала лекарств, Мэгги видела во мне союзника. Хотя я не возражала против медикаментов и никогда не пыталась отговорить ее от их приема. Моя задача заключалась в том, чтобы помочь Мэгги наладить по возможности здоровый образ жизни. Такова уж моя работа.

– Я понял, – произнес сержант Рэймс несколько суховатым полицейским тоном – возможно, подумал, что такие изыски, как смена психиатров, ему не по карману. – Что ж, доктор Линдман, насколько нам известно, все выглядит как самоубийство.

– А могу я спросить... Как именно она его совершила?

– Повесилась. Судмедэксперт уже засвидетельствовал, что этому соответствуют ее травмы. То есть смерть не инсценировали. Но мы продолжаем следствие, просто чтобы получить полную картину. Как долго, вы сказали, вы были ее психотерапевтом?

– Немногим меньше двух лет. – В машине становилось жарковато, и я вновь включила зажигание и кондиционер.

Рэймс умолк, и у меня появилось ощущение, что он прислушивается к фоновым звукам с моей стороны.

«Я хочу вернуть мою маму...»

Похож ли этот голос на голос Тома Бишопа? На тот, что звучал в записи допроса в полиции? Или я схожу с ума?

«Твоя пациентка умерла. Прекрати думать об этом вздоре».

Мое внутреннее увещание имело поразительное сходство с тоном моего отца.

– Менее двух лет, – повторил Рэймс. – И в течение этого времени...

– Мисс Льюис не высказывала суицидальных мыслей. Это я могу вам сказать определенно. Мы обсуждали эту тему, но лишь отвлеченно. На уровне самого понятия, так сказать.

– И когда вы вели такие разговоры?

– Мне необходимо заглянуть в свои записи. Но, возможно, пару месяцев назад.

– Какова была природа того разговора? Я имею в виду, как возникла данная тема?

– Сержант Рэймс... Я не могу разглашать конкретное содержание разговоров с Мэгги Льюис. Даже в случае ее смерти. Могу лишь сообщить, что, насколько мне известно, она не собиралась сводить счеты с жизнью. Я оценивала ее как пациентку, неспособную рискнуть навредить себе или другим.

– Да, таковы правила... – Рэймс задумчиво хмыкнул. – Послушайте, доктор Линдман. Я понимаю, конфиденциальность... Но жертва не оставила записки. И никому не говорила, что собирается это сделать. И мне... Уф...

Я включила машину, держа ногу на тормозе.

– Сержант, вот что я вам скажу... Я заеду в город, и мы поговорим с вами лично. У меня есть для вас кое-какие сведения; они не затронут личной жизни Мэгги, но, возможно, дадут вам – и ее близким – столь нужную ясность.

– Буду вам очень признателен. – Он вздохнул с облегчением и добавил: – Простите, что испортил вам отпуск.

Отключившись, я развернулась, подумав: «Он и так уже испорчен».

Глава 11

Вне всякого сомнения, Рэймс просто пытается прикрыть свою задницу. Иногда убийство можно представить как самоубийство, даже в случае повешения. У Мэгги был ребенок; что, если ему угрожали? Вряд ли такая версия вероятна, да я и нутром чуяла, что дело тут в чем-то другом. Но разве не важно для такого основательного парня, как Рэймс, получить от психотерапевта покойной сведения о том, что в депрессивном состоянии эта пациентка время от времени обсуждала тему самоубийства? Это поможет ему закрыть дело.

Пол стремился выяснить у меня подробности, Джони состроила недовольную гримасу, но Майкл выглядел искренне обеспокоенным.

– Какая ужасная ситуация! Мне так жаль...

– Спасибо. – Я глянула на эту троицу, мужа в позеленевших от травы белых носках, и закутанных в пляжные полотенца дочь и ее жениха, еще в купальных костюмах. – Мы отпразднуем, когда я вернусь, ладно? Уж извините.

– И когда, по-твоему, ты сумеешь вернуться? – спросил Пол, глянув на свои часы.

– Надо прикинуть; сейчас уже два часа... К тому времени, как я доеду до города, заеду в участок, дам показания и все такое, будет уже поздновато возвращаться сюда. Пожалуй, лучше я встану пораньше и приеду утром.

Я уже подумала о своем путешествии. Я могла бы вернуться сегодня вечером, и при других обстоятельствах, вероятно, вернулась бы. Но ведь не только ради успокоения совести Рэймса и процента закрытых дел я решила съездить в город. Эта трагическая новость дала мне возможность просмотреть свои заметки о Томе Бишопе и сделать еще пару звонков. Может, даже поговорить с Бликерами.

– Увы, полагаю, нам придется немного пожить без тебя. – Глянув на детей, Пол шагнул ко мне, обнял и чмокнул в щеку. – Я люблю тебя, милая.

Следующей выступила Джони, обняв меня за шею. Холодная, как рыба, и покрывшаяся гусиной кожей. Она слегка повисла на мне, отчасти вызвав у меня воспоминания о ее раннем детстве.

– Очень жаль, мам.

– Мне тоже *ужасно жаль*, – ответила я. – Нам следовало бы отпраздновать сегодня вечером. Но мы устроим праздник, как только я вернусь.

Джони отошла, а Майкл, улыбнувшись, послал мне воздушный поцелуй. Подойдя к нему, я похлопала его по руке.

– К счастью для тебя, моя дочь умеет готовить.

– На самом деле Майкл сам отлично готовит, – заметила Джони, посмотрев на него с чистым обожанием. – Скорее всего, сегодня вечером он порадует нас чем-нибудь вкусеньким.

Загадочный Майкл... Его отливающие морской волной глаза казались бесхитростными и честными. Но что-то в их блеске и прищуре под густыми бровями наводило на мысль о том, что им свойственна и дерзость. Я просто не могла пока распознать его целей, хотя обычно очень хорошо разбираюсь в людских намерениях.

Много ли он знал? Каковы, в сущности, его намерения? Знает ли он, что я планирую проверить в городе?

«Хватит домыслов. Не может же он прочитать твои мысли».

– Ладно, мне пора собираться.

Я переоделась в дорогу и собрала небольшую сумку. Держа в руках телефон и сумку, направилась к «Рейнджроверу». Забравшись в салон, оглянулась и помахала рукой. Они все трое подошли к дверному проему, чтобы проводить меня.

Развернувшись, я начала спускаться по подъездной дорожке, почти с облегчением покидая родню.

Почему? Потому что чувствовала себя виноватой. Потому что меня с детства приучили верить в то, что даже маленькая ложь – будь то просто недомолвка или невинная ложь во спасение – пачкает душу. Ну а если и нет, то беретит точно.

Это не значит, что человеку надлежит быть идеальным и безгрешным. Хитрость в том, чтобы уметь прощать себе грехи, особенно если они действительно предназначены для служения общему благу. Но некоторые люди не всегда грешат ради благородной цели. Они совершают грех ради того, чтобы чего-то избежать или что-то скрыть.

Причем иногда – частенько, на самом деле, – тайные грехи остаются тайными. Погребенными. Вот в чем заключается сила психотерапии – разговорной лечебной терапии. Пробуждать воспоминания, копаться в прошлом, выискивая такие грязные моменты.

Не стоит впадать в особую напыщенность, но все же такое общение сродни религиозной исповеди. Пациент подобен грешнику в поисках прощения. Но если вы не знаете своих грехов или отрицаете их, то очищения достичь трудно. Более того, невозможно.

Поэтому психотерапия зачастую начинается с изучения прошлого пациента. Во всяком случае, так она началась у меня. Как и многие психотерапевты, я начинала как пациент, борясь с собственными душевными трудностями. Мой отец, безвременно почивший, рос единственным ребенком. К подростковому возрасту он уже пил и курил, связавшись с дурной компанией. Его отец тоже умер молодым во время войны, оставив моего отца и его мать в переполненном жилом комплексе в Йонкерсе. Начав пить в подростковом возрасте, Рой к двадцати годам имел серьезные проблемы с алкоголем, хотя ему удалось найти приличную работу и жениться на моей матери Элоизе – гораздо более устойчивой личности, но тоже бывшей в своей семье единственным ребенком.

Элоиза так и не научилась настаивать на своем. Склонность Роя к выпивке и его болезни сказались и на ней, и на мне. К тому времени, когда я доросла до свиданий с парнями, то уже решила, что все мужчины ужасны и непредсказуемы и общение с ними далеко небезопасно.

С Полом я познакомилась в частном университете на Манхэттене. Он вел себя так добродушно и скромно, что я сочла его притворщиком. Первые полгода наших свиданий я провела как на иголках, все ждала, когда с него спадет маска приличия и Пол, взявшись за бутылку, даст волю кулакам.

Но он оставался все таким же добродушным.

Доброта Пола не убедила меня в том, что так бывает, – что не все мужчины ужасны. Такое несоответствие возымело другой эффект. На фоне Пола мой отец стал выглядеть еще хуже, чем был на самом деле. И чем чаще я встречала мужчин, более здоровых и меньше подверженных вспышкам темперамента, тем упорнее они казались мне аномалиями.

Я не понимала, как их воспринимать. Не понимала, как с ними общаться, поэтому отвергла Пола. Однажды вечером – того случая я никогда не забуду – он стоял под моими окнами под проливным дождем. Прямо как в кино. И умолял меня – а вода стекала по его бледному лицу, по дрожащим векам, – умолял меня передумать. Клялся, что исправит все совершенные им ошибки.

Его поведение, однако, породило во мне лишь холодную ярость. Увидев его в таком состоянии, я внезапно сочла его слабаком. Жалким слабаком. Мне не хотелось иметь ничего общего с таким человеком. Мне нужен был кто-то сильный, как мой отец. И, чтобы показать свою собственную силу, я влепила ему пощечину. Я ударила Пола. Тогда, единственный раз во взрослом возрасте, я ударила человека.

Потрясенный, озадаченный, Пол отступил. Кровь из уголка его рта, смешавшись с дождевой водой, каплями стекала по подбородку. Он коснулся разбитой губы, посмотрел на свои испачканные кровью пальцы, посмотрел на меня и ушел.

В ту ночь, одна в своей квартире, под шум проливного дождя, я размышляла о том, чего стоит моя жизнь. О том, что же я натворила. Похоже, я становилась копией моего папаша. Вспыльчивой, ожесточенной и одержимой бессонницей.

Где-то в конце моих очистительных страданий раздался звонок. Позвонила моя мать. Той ночью отец перенес обширный инфаркт и умер.

Такая своевременность, казалось, благоприятствовала мне. Я как раз проходила через тягостное переосмысление – своего рода метаморфозу, – пытаюсь выйти из-под влияния моего отца. А в это время он ушел.

От этого меня затянуло в еще более глубокую яму. Я порылась в тайнике с наркотиками моей соседки и взяла все, что смогла найти. Заглотила все, что выглядело как таблетки. Но этого мне не хватило.

Следующие несколько дней я балансировала на краю пропасти в своем личном аду, выползая в город, чтобы раздобыть наркотики, пьянствуя в полном тумане. Мне хотелось умереть. Но каким-то образом я выжила. Я дошла до края пропасти, но не переступила за него. А потом подруга дала мне контакты проверенного психотерапевта.

Саре тогда было за пятьдесят, как и мне сейчас. Ее натуральные волосы отливали прекрасным серебристым блеском. Она носила простые серьги, два серебряных кольца и элегантную, удобную и практичную одежду. В ее офисе всегда пахло жасмином, и у нее имелся целый арсенал психотерапевтических приемов, творивших чудеса. Прогрессия⁷, регрессия⁸, ДПДГ⁹ и прочее – в общем, она вытащила меня. Благодаря ей я смогла взять себя в руки и снова начать жить своей жизнью.

Первые восемь месяцев я посещала Сару раз в неделю, а потом целый год – дважды в месяц, и в итоге перешла на визиты по мере надобности. К тому времени как мы с Полом поженились, я уже подумывала о своей собственной практике. Мне хотелось помогать людям так же, как Сара помогла мне. Моя практика охватила все возрасты, от детей до стариков. Я научилась вести моих пациентов к выявлению истоков их травм и пороков. Докапываться до первопричин их чувства вины, тревоги и депрессии.

Однако не каждый мог связать свой душевный дискомфорт с каким-то провоцирующим инцидентом. Я знаю это. Мэгги Льюис подверглась насилию в юном возрасте. Эта травма терзала ее более десяти лет. Я начала наблюдать ее в двадцать один год, когда она уже пять лет принимала антидепрессанты. Ей хотелось отказаться от них. Она говорила, что они разрушили ее творческую жизнь – она была танцовщицей, а лекарства лишили ее нормальной мотивации, изменили тело и фигуру.

Я знала, что помочь ей можно, только докопавшись до травмы, вызванной насилием. Однако необходимо было продвигаться к той прошлой трагедии медленно и осторожно. Я могла лишь мягко направлять ее – она должна была сама противостоять тому насилию, когда будет готова.

Но мы так и не успели дойти до истоков.

⁷ Прогрессия – в психотерапии метод перемещения в воображаемое будущее, где пациент представляет себя преодолевшим психологическую травму.

⁸ Регрессия – в психотерапии метод обращения к воспоминаниям, как позитивным, на которые можно опереться в восстановлении душевного здоровья, так и негативным, которые позволяют точно определить травматический момент, ставший причиной психологического сбоя.

⁹ ДПДГ – десенсибилизация (понижение чувствительности к травмирующему стимулу) и переработка движением глаз; в психотерапии метод разблокировки нервной системы, которая не может должным образом обработать травматические воспоминания и адаптировать их до уровня обычных, не вызывающих невроза элементов опыта: пациент сосредоточивается на травматических событиях, следя за движениями руки терапевта, при этом динамика его глаз задействует обширные участки мозга, воспоминания обрабатываются нервной системой в режиме высокой эффективности и теряют свойства травмирующего стимула.

Добравшись до Уэстчестера и встретившись в отделении полиции Уайт-Плейнс с сержантом Рэймсом и его коллегой в штатском, я так им и сказала.

– И вы не можете обсуждать с нами... природу этого насилия? – спросил полицейский в штатском.

– Никаких деталей. Кроме того, что я уже сказала.

– Но вы почти уверены, – следователь поводит ручкой по губам, – что именно это могло толкнуть ее на крайний шаг. Совершить самоубийство.

– Мы обычно говорим «умереть от самоубийства».

– Не понял? – Он опустил ручку.

– В области психического здоровья самоубийство считается частью болезней острого отчаяния. Алкоголизм, наркомания, суицидальное мышление... Это состояние физического здоровья. Мы ведь не «совершаем» сердечный приступ. То, что вы сказали, ассоциируется с виной, с совершением преступления или греха. И такое клеймо обычно удерживает людей от мыслей о самоубийстве. Кроме того, человек может сделать попытку, но не всегда способен в итоге покончить с собой.

Следователь выразительно посмотрел на сержанта Рэймса, словно спрашивая: «Ты тоже это слышишь?»

Тот, однако, ответил ему озадаченным взглядом.

– И, по вашим словам, вы вполне уверены, что она не высказывала мыслей... Ну, скажем, о попытке... Или о желании... умереть от самоубийства.

– В наших с ней разговорах – нет.

– Но вы могли бы представить, что такое возможно... В случае стресса...

– Если вы раздумываете, что сказать ее родным, то я сказала бы, что Мэгги Льюис была невероятно храброй женщиной. Она боролась за то, чтобы преодолеть нечто почти непреодолимое. И в то же время стремилась жить полной жизнью. Опять стать артисткой, продолжить свою танцевальную карьеру...

Рэймс делал заметки.

– Она боролась с болезнью отчаяния, в которую ее погрузили жизненные обстоятельства. Она не жаловалась. Но делала все возможное, стремясь победить их. Иногда мы не преуспеваем. Но это не самое важное. Важно то, как упорно мы стремимся к победе.

Следователь слушал меня с открытым ртом. Внезапно осознав это, он закрыл его и напряженно выпрямился на стуле. Закончив свои заметки, Рэймс встал и протянул мне руку через стол.

– Спасибо вам, доктор Линдман.

Мы обменялись рукопожатием, и следователь, также встав, протянул свою руку.

– Да... Гм... Если у вас появится новая информация, я буду на связи.

«Разумеется».

Покинув их участок, я направилась напрямик к следующему пункту своего назначения. Похороны Мэгги состоятся лишь через пару дней. Если я смогу приехать, то просто проскользну в последние ряды церкви во время службы. Но не пойду после этого на похороны, поминки или любые другие мероприятия. Такого не допускает профессиональная этика.

Впрочем, мои ближайшие планы, конечно, явно не соответствовали этическим стандартам. Но разве не понятно желание сделать несколько осторожных звонков, чтобы узнать немного о женихе моей дочери? Особенно если я подозреваю, что он мой бывший пациент, видевший, как один родитель убил другого?

Любая мать поступила бы так же.

Верно?

Глава 12

Уайт-Плейнс – городок среднего размера в центре округа Уэстчестер к северу от Нью-Йорка. Мой офис делил третий этаж пятиэтажного здания с двумя другими офисами: стоматолога и риелтора. Здание темное, все закрылись на выходные.

Дверь из коридора вела в комнату, где Мина обычно принимала моих клиентов, помогала выписывать счета и выполняла другие административные обязанности.

Я прошла в свой кабинет, окна которого выходили на Мамаронек-авеню. Почему-то я предпочла не включать свет. Можно подумать, что мне хотелось сохранить свой визит в тайне. Как будто кто-то мог усмотреть в моих действиях нечто подозрительное... Мне ведь полагалось заехать сюда по делу Мэгги Льюис, хотя сегодня у меня нет времени просматривать записи за два года. Я пришла сюда именно ради дела Бишоп.

Придавленная чувством вины, я с трудом опустила в свое кресло за письменным столом.

– Прости меня, Мэгги...

Подступившие вдруг слезы обожгли мне глаза. Неожиданно само присутствие в офисе лишило меня защитной маски. Я отдалась на волю эмоций.

Обстановка в кабинете вполне лаконична: письменный стол с креслом с одной стороны, пара обращенных к нему кресел – с другой, и диван около задней стены. Большинство пациентов предпочитали кресло. Мэгги нравился диван – совсем недавно она сидела в нескольких шагах от того места, где сейчас сидела я.

– Мне очень жаль, милая...

Мэгги была курильщицей, и хотя я не разрешала курить в моем офисе, позволяла ей держать сигарету. Зажимая ее в пальцах, она продолжала говорить и жестикулировать. Когда я видела ее в последний раз, то подумала, что Мэгги скрывала чувства к сыну. Она оставила его совсем маленьким. Не отдала на усыновление, а оставила с отцом в его семье, где и помогали воспитывать мальчика. Мэгги так и не вернулась к материнской роли. Ему уже исполнилось пять лет, и она рассказывала о мальчишке между прочим, как будто видела его очень часто. Как он уже вырос, на кого стал похож.

Но Мэгги ни разу не упоминала о намерении самоубийства. Такую откровенность я уж точно не оставила бы без внимания. Безусловно. За годы практики я научилась выделять сигналы из шумового потока и ее сигнал представляла совершенно четко: попытки самоубийства ей не грозили.

И вот на тебе... Что же я упустила?

Ответ: не знаю. Может, ничего. Психотерапевты не всеведущи. И мы, естественно, не вездесущи; последние два года я встречалась с Мэгги примерно раз в месяц. Но пора забыть об этом. Пора вернуться к тому, ради чего я заявила сюда.

Вытерев слезы, я вернулась в комнату Мины. В глубине находилась небольшая кладовка, заполненная шкафами и коробками. В ее духоте, лишенной окон и кондиционера, стоял затхлый бумажный запах. Мне понадобилось несколько минут, чтобы разобраться там и откопать коробку пятнадцатилетней давности.

Забрав ее в свой кабинет, я начала копаться в папках, найдя в итоге дело Бишоп.

Моей официальной оценки там не было, как и записей заключительных показаний Тома Бишоп в полиции – эти документы засекречены согласно решению суда, так что я не рассчитывала найти их. Но у меня сохранились записи пяти сеансов, снабженные примечаниями и комментариями. И список родственников, то есть близких людей в жизни Тома. Среди них имелись контактные данные Бликеров.

Я не знала, радоваться ли мне или беспокоиться по этому поводу.

Сидя за своим столом, я набрала телефонный номер. В трубке зазвучали протяжные гудки. Продолжительные однообразные гудки. Ни голосовой почты, ни автоответчика, только бесконечные гудки. Я повесила трубку, проверила правильность номера и сделала вторую попытку. Пока я слушала очередные гудки, мой взгляд упал на сам список.

Там имелся какой-то адрес.

Похоже, моя поездка немного затянется...

* * *

Когда я поехала в сторону Лонг-Айленда, начался дождь. Пол прислал мне два сообщения: «Все в порядке?» И немного позже: «Пока все нормально?»

Дождь становился все сильнее, и мне пришлось включить «дворники». Поездка в Лонг-Айленд обычно напоминала рискованное приключение. Дорога из Уэстчестера в любую сторону, казалось, проходила по запутанному лабиринту боковых улочек и автомагистралей. К тому же время приближалось к семи вечера. Поздновато заявляться незваной к кому-то домой. И я понятия не имела, что меня там ждет. Вспомнит ли Арнольд Бликер, что видел меня в зале суда? Скажет ли он мне, что взрослый Том теперь живет где-то на другом конце света? Или, может, он счастливо живет по соседству с парой детей и женой, которая обожает стряпать и шить?

Поездка заняла больше часа, предоставив мне достаточно времени, чтобы обдумать десяток сценариев и отрепетировать то, что я скажу, получив – надеюсь – четкий, нужный мне ответ. Навигатор привел меня в небольшой прибрежный городок Сейвилл, в один из его районов. Очаровательные дома, поначалу простые двухэтажные коттеджи, по мере приближения к набережной становились все более дорогими и шикарными. Грин-авеню выходила на берег Атлантического океана. Я знала, что еду в южном направлении, и где-то там, на океанских просторах, находился Файер-Айленд, известный своими буйными летними вечеринками. Но теперь, в сумерках и в дождевой хмари, впереди маячила лишь бурная морская даль, влажная и темная.

Я задумчиво помедлила, слушая, как барабанят капли дождя по машине.

Дом большой, но какой-то странный. Двускатная крыша амбарного типа. Такой стиль в этом регионе, вероятно, распространился после выхода фильма «Ужас Амитивилля». Днем обшивка, возможно, выглядела пыльно-голубой. Подходящий цвет для пляжного коттеджа, каким этот дом пытался выглядеть, несмотря на многочисленные пристройки и гараж на две машины.

Передо мной поблескивали темные стекла окон. Не слишком добрый знак. Бликеры ненамного старше меня, но некоторые люди предпочитают рано ложиться спать.

Сейчас или никогда. Я вышла и закрыла машину. Почти мгновенно промокнув, пробежала по газону и поднялась по ступенькам на небольшое крыльцо, обрамляющее вход. Решила сначала постучать, хотя и увидела дверной звонок. Напряженно прислушиваясь, я слышала только, как слева надо мной по крыше выстукивает барабанную дробь ливень.

«Какое-то безумие... Господи, что я здесь делаю?»

Опять постучав, я подождала еще немного. Никакой реакции. Ни света, ни ощущения движений. Только ритмичный белый шум океана...

«Я хочу вернуть мою маму...»

Мое сердце екнуло, дыхание перехватило. Я понимала, что в памяти только что всплыло воспоминание о странном звонке на моем телефоне – или воспоминание о том голосе, что мне *послышался* в той записи. Но мне не сразу удалось успокоиться. Пытаясь вернуть ощущение реальности, я надавила на кнопку дверного звонка.

Цель достигнута, звонок разорвал мой слуховой бред. Внутри раздался громкий трезвон – может, кто-то из Бликеров стал глуховат? В этом районе, видимо, постоянно жили люди среднего достатка. Но близкими к берегу, более дорогими домами, возможно, пользовались лишь время от времени, и сейчас в доме никого нет.

Я еще раз нажала на звонок, удерживая палец на кнопке чуть дольше, чем того требовали приличия. С тех пор как я поднялась на крыльцо, дождь, по крайней мере, немного утих. Внезапно я испытала смущение. Пристально глянула на свои синие с серой отделкой кроссовки. На мне также были легкие шорты и льняная блузка. Непритязательный, но приличный наряд. В самый раз для безобидной промокшей женщины, правда, в данный момент склонной к параноидальному бреду.

«Потому что все это безумие. Надо было просто спросить самого Майкла, а не шляться тут в темноте, изображая частного детектива».

Кстати, хорошая идея...

Я уже собиралась уйти, решив кое-кому позвонить, когда над моей головой загорелся свет.

Глава 13

Арнольд Бликер вглядывался в меня темными глазами, прикрытыми обвисшими веками. Он выглядел довольно хилым и даже старше, чем я ожидала.

– Здравствуйте. Могу я вам помочь?

– Мистер Бликер?

– Да.

– Арнольд Бликер?

– Неужели я что-то выиграл?

Он задал вопрос таким сухим тоном, что я приняла его за чистую монету.

– Нет, простите, я не...

Затем он улыбнулся, и лицо его сразу помолодело. Арнольд выглядел уже не таким старым. Может быть, просто свет на крыльце создавал причудливые резкие тени.

– Я пошутил. Так что я могу для вас сделать? Кто вы?

– Мистер Бликер, я понимаю, что мой визит весьма необычен... Я – доктор Эмили Линдман.

Я ждала проблесков узнавания в его взгляде. Бликер стоял передо мной в спортивных штанах и провисшей, слишком большой для него рубашке-поло. Я подумала, что он болен. Или, может, просто сильно похудел.

Видя, что Арнольд не вспомнил моего имени, я добавила:

– Я психолог. Работаю в Уайт-Плейнс.

Он прищурился. Неясно, заставила ли его дополнительная информация вспомнить меня.

– Вы промокли, – заметил он. – Давайте уйдем с крыльца.

– Ох, спасибо...

Бликер приоткрыл дверь пошире, чтобы я смогла войти.

– Какая гроза, – сказал он. – Я предложил бы вам снять куртку, но у вас ее нет... Как насчет полотенца?

– Конечно. Было бы здорово. Простите за вторжение. И я очень надеюсь, что не разбудила вас...

Я сомневалась, что Арнольд слышал меня. Углубившись в дом, он по пути включил лампу с витражным абажуром, но стало не намного светлее. Лампа стояла на столике за диваном. А диван являлся частью обстановки гостиной, заполненной стеллажами со старинными безделушками. Разнообразные фигурки. Множество статуэток. Подойдя немного ближе, я сумела разглядеть, что они представляли собой всевозможных свинок и поросят.

Бликер исчез в глубине коридора. Где-то там – вероятно, в ванной – также загорелся свет. Какая-то лестница поднималась на второй этаж. Непосредственно слева от меня находился вход в столовую с элегантным столом и стульями. Их окружали очередные стеллажи с безделушками (очередными свинками), но между ними также поблескивало окно с видом на океан. Оно, наверное, было открыто, так как шторы вздувались под ветром.

Порывы легкого ветерка доносили запах морского воздуха, но их явно не доставало, чтобы освежить внутреннюю затхлость. Мрачноватое местечко. Я представила, как Том Бишоп пришел сюда после смерти отца, когда его мать отправили в тюрьму. Совсем недавно мальчик жил нормальной счастливой жизнью. И вот в ночи он стал свидетелем убийства, и вскоре после этого ему пришлось начать новую жизнь, в сущности, с незнакомцами. По крайней мере, мне выдали такую информацию.

Бликер, шаркая ногами, вернулся в гостиную. Он снова показался мне слишком хрупким и слабым. Нездоровым. Держа в руках полотенце, озадаченно глянул на меня.

– Не уверен, сойдет ли вам такое полотенце, – промямлил он, передавая его мне.

Я нерешительно помедлила. Какое такое?

Застенчиво улыбнувшись, Арнольд пояснил:

– Мне не хотелось давать вам одно из тех, что висят в ванной. Но Кэндис все перестирала. Это чистое; может, правда, оно и слегка сопрело... Трудно сохранить вещи сухими, живя у самой воды.

Интересно, кто такая Кэндис – экономка? Дочь? Я вытерла лицо полотенцем. От него исходил немного затхлый запах с примесью ароматного моющего средства. Я подсушила волосы и смахнула влагу с рук и голых ног.

– Спасибо вам большое.

– Я не слышал вашего звонка, – сказал Бликер, – сидел в глубине. Люблю послушать музыку. Мы не... Элис заботилась обо всем этом. Знала, как пользоваться новомодными звуковыми гаджетами. Мы продали старую стереосистему. У меня остался еще проигрыватель, но нет динамиков для него, нет усилителя... Она воспроизводила музыку через интернет. Кэндис пыталась показать мне, как делать это с компьютера. Но я просто пользуюсь своим телефоном. – Арнольд вытащил его из кармана вместе с подсоединенными наушниками. – Элис умерла. Два года назад. – Он посмотрел на меня своими темными блестящими глазами.

– Ох... мне так жаль.

– Вы знали ее?

– Я... Может, присядем?

– Конечно, проходите сюда, пожалуйста.

Он провел меня в гостиную, где я присела на край кофейного столика, чтобы не замочить мебель, и сам опустился в кресло между двумя диванами. На них лежали декоративные подушки, украшенные все теми же свиньями. Отбросив пороссячи образы, я сосредоточилась на их владельце.

– Мистер Бликер, когда-то ваш племянник посещал у меня сеансы психотерапии, всего несколько сеансов.

Рот Бликера приоткрылся. Он слегка вздохнул и просто пристально посмотрел на меня.

– Ох... так вы сказали, вы доктор Линдман?

Я кивнула. Я была совершенно уверена, что мы никогда не разговаривали до этого, но он, должно быть, вспомнил теперь мое имя. Его лоб прорезали морщины.

– Что же привело вас в такую даль? С Томасом все в порядке?

– Вы общались с ним последнее время? – Я положила полотенце на колени.

– Нет. Давненько уже не общался.

– Он просто... уехал от вас?

– Ну, можно и так сказать. Томас и Элис – моя жена – с трудом ладили. Он вроде как... Он уехал от нас сразу после того, как ему исполнилось восемнадцать.

– Как жаль слышать, что у вас с ним возникли трудности... А потом вы связывались с ним?

Бликер задумчиво взирал на свои сложенные руки.

– Нет. Навалилось столько проблем... Я хотел связаться, но Элис заболела. Мы думали, что у нее раннее слабоумие, но оказалась болезнь Альцгеймера. Она опустошила наши силы. Даже ее сестры... Лоры. Они были очень близки. Обе любили собирать коллекции. – Он обвел взглядом стеллажи со свинками и, наконец придя к какому-то решению, добавил: – Мы пережили ужасное время, но, по крайней мере, оно быстро закончилось.

Я вновь выразила Бликеру сочувствие. Мрачноватое уныние этого дома начало казаться мне живым существом. Пора выяснить то, зачем я сюда явилась; вообще-то, неловко совать нос в чужую жизнь. Конечно, мне хотелось бы спросить о Лоре – спросить еще о многом, но я ограничилась тем, что показалось мне наиболее дальновидным.

– Вы называете его Томасом, – спросила я. – Вам не приходилось слышать, что он изменил имя?

– Изменил свое имя?

– Да. И имя, и фамилию.

– Мы сами изменили его фамилию. Я усыновил его, и он стал Томасом Бликером... – Арнольд начал нервничать и подозрительно прищурился. – Что вы имеете в виду? Что-то случилось? Я пытался найти его пару лет, но Лора не знала, где он, а Томасы Бликеры в интернете всегда оказывались другими людьми.

Я успокаивающе подняла руки.

– Простите, менее всего мне хотелось встревожить вас. У меня нет причин думать, что с вашим племянником случилось что-то плохое. Я пришла к вам лишь потому, что в моей жизни недавно появился молодой человек, похожий на него. Очень похожий. Но он сказал, что его зовут по-другому. Майкл Рэнд.

Вот и все. Именно эти слова я репетировала целый час. Решила, что лучше всего говорить прямо. И как можно ближе к правде.

– Как-как? – Бликер помрачнел еще больше.

– Майкл Рэнд, – ответила я и быстро задала важный вопрос: – Мистер Бликер, у вас есть какие-нибудь фотоальбомы, где я могла бы увидеть его? Что-нибудь недавнее – до того, как Том ушел?

Но Бликер ничего не ответил. Вместо этого он уставился на меня странным взглядом, один его глаз начал дергаться.

– Зачем вы приехали сюда?

Его вопрос озадачил меня.

– Я пытаюсь подтвердить, является ли знакомый мне человек, Майкл Рэнд, вашим приемным сыном Томасом или это просто редкостное случайное совпадение. Выяснить, не слишком ли я полагаюсь на то, что хорошо помню чью-то внешность. Понимаю, что сейчас, возможно, мое появление неуместно. Но такая ситуация возникла как раз сегодня утром, и я... Я просто пытаюсь все выяснить, чтобы спокойно жить дальше. – Я улыбнулась, надеясь на сочувствие.

Бликер напряженно вглядывался в меня. Затем с трудом слотнул, отчего кадык на его шее резко дернулся.

– Так вы та самая! – вдруг произнес он, нацелив на меня палец.

– Простите, не поняла?

– Зачем вы здесь?

– Извините. Не понимаю. Я ведь уже объяснила вам, что...

Бликер встал, продолжая грозить мне скрюченным пальцем. Все его поведение изменилось, он вдруг стал суровым и враждебным.

– Вы должны уйти.

Я тоже медленно встала, пытаюсь не встревожить его еще больше.

– Мистер Бликер, мне очень жаль, если я расстроила вас... Как уже говорила, я проводила психотерапию с Томом после смерти его отца. Может, вы это имели в виду? Сказав, что я та самая?

Рот Бликера начал нервно дергаться. Видимо, он был так потрясен, что почти онемел.

– Да, пусть не сразу, но я узнал вас, – с трудом произнес Арнольд, – и помню, что произошло. – Бликер внезапно вытянулся в струнку и выпятил костлявую грудь. – Вы должны немедленно уйти. Каковы ваши тайные происки? Хотите выведать у меня, что я могу вспомнить? Немедленно убирайтесь!

– Сэр... мне искренне жаль, если я расстроила вас. Не знаю, что я могла сказать или сделать... Если позволите, я оставлю визитку с моим номером...

– Вон!

Во влажном воздухе дома его голос прогремел как громовой раскат. Быстро оставив визитку, я положила полотенце на ближайший стул и направилась к выходу. Взявшись за ручку двери, оглянулась, чтобы еще раз попытаться выяснить ситуацию.

– Думаю, это какая-то оши...

– Убирайтесь из моего дома! – завопил Бликер. – Убирайтесь, или я вызову полицию!

Мне не нужно было повторять дважды. Или трижды. Я вышла за дверь, оставив ее раскачиваться на ветру. Стараясь не поскользнуться, сошла с залитого дождем крыльца и уже собиралась пройти по газону к машине, когда меня ослепил яркий свет.

Я резко остановилась, подняв руку.

– Эй! – раздался голос молодого человека.

Я услышала шум двигателя. Кто-то только что въехал на подъездную дорожку, но свет фар ослепил меня. Хлопнула дверца. Смутно мелькнул чей-то силуэт, послышались быстро приближающиеся шаги.

С отчаянно забившимся сердцем я бросилась к моей машине. Но не успела. Меня резко схватил за руку какой-то мужчина, и я невольно закричала.

Глава 14

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ОТЧЕТ
СЛЕДОВАТЕЛИ Р. МУНИ И С. СТАРЧИК
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ (фрагмент)
ТОМАС БРЭДЛИ БИШОП, 29 АПРЕЛЯ

Муни: И что ты тогда увидел? Значит, ты вышел из своей комнаты и...

Том: Я услышал шум страшной драки.

Муни: Ладно. Понятно. Тогда ты пошел на кухню? Именно оттуда доносился шум?

[Молчание]

Плански: Смелей, милый.

Том: Он доносился из разных мест.

Муни: Шум драки?

[Молчание]

Муни: Ты не можешь просто кивнуть, понимаешь, Томми? Нам нужно, чтобы ты сказал «Да».

Том: Да.

Муни: Ты имел в виду, что подумал, будто там было несколько людей, Том? Ты думаешь, что с твоим отцом дрались несколько человек?

[Молчание]

Муни: Ты видел их? Том, это очень важно... Ты видел того, кто дрался с твоим папой?

[Молчание]

Муни: Для протокола: свидетель дал отрицательный ответ. Хорошо, Том... Так что же произошло? Попробуй рассказать мне. Ты вышел из комнаты, когда услышал шум этой драки. Верно? Куда ты отправился сначала?

Том: Не помню.

Муни: Ты не пом...

Том: На лестницу.

Муни: Ты пошел на лестницу?

Том: На верхнюю площадку лестницы. Я поглядел вниз с верхней площадки.

Муни: Ты говоришь о той лестнице, что спускается от твоей спальни? Они пошли на кухню?

Том: Там много всяких часов. Всяких разных часов на лестнице.

Муни: Понятно... они висят на стене над ступеньками лестницы. Твоему папе нравились часы?

Том: Маме нравятся.

Муни: Ах, да, твоей маме. Ладно. Значит, с лестницы ты видел часы. И немного видел то, что было за открытой дверью кухни. Верно?

Том: Угу.

Муни: Ты увидел что-нибудь там? Ты спустился...

Том: Я спустился вниз. Очень тихо.

Муни: Ты как бы крался?

Том: Ну да.

Муни: И что тогда произошло? Я понимаю, что мы пару раз уже вспоминали это. Уже давно вспоминали. Но это очень важно, Том... действительно важно... Нам необходимо узнать, что же случилось с твоим отцом. Он хотел бы, чтобы ты...

Плански: Следователь Муни, пожалуйста, придерживайтесь линии допроса.

Муни: Мне просто нужно, чтобы ты рассказал мне как можно подробнее, *что* помнишь. Хорошо?

[Молчание]

Том: Я сидел на лестнице. Мне казалось, что люди там дерутся. И я поглядывал на кухню, но никого не видел. Потом спустился с лестницы. Все затихло. Но я... И я...

[Неразборчивые звуки]

Плански: Все в порядке, Том. Так, у меня где-то есть салфетки... Ладно, думаю, нам придется...

Муни: Что, Том? А потом ты – что?

Том: Я не знаю. Моя мама...

Муни: Что с твоей мамой?

Плански: Я хочу попросить вас закончить этот допрос. Том явно расстроился.

Муни: Хорошо, хорошо. Я понимаю. Вы правы. Но он... практически подошел к нужной информации. Том, ты видел, кто ранил твоего отца?

Том: Он лежал на полу. Как будто спал. Но везде была кровь.

Плански: Детектив Муни, я прошу вас...

Муни: А твоя мама?

Том: Держала его. Как будто он ребенок.

Муни: Боже... Том, прости, Том. У вас больше нет салфеток?

Плански: Так, все, этого достаточно. Офицер Муни, мы закончили.

Муни: Простите... Ладно. Том... Все хорошо, Том...

* * *

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО
В ОФИС ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА
СЛЕДОВАТЕЛЬ Р. МУНИ
29 АПРЕЛЯ

По мнению следствия, либо свидетель, Томас Бишоп, боится описать то, что он видел в последние моменты жизни своего отца, либо, увидев что-то особенно страшное, он заблокировал воспоминания. В свете этого я настоятельно рекомендую обратиться к стороннему консультанту или психотерапевту для оценки состояния Тома. А возможно, и для работы с ним с целью обнаружения любых подавленных воспоминаний. Поскольку Том является единственным свидетелем убийства Дэвида Бишоп, его показания имеют решающее значение для обвинения.

Ребекка Муни

Глава 15

Когда мужчина схватил меня, я бессознательно поискала перцовый баллончик, но, конечно, у меня его не оказалось. Я давно не носила его с собой, со времен учебы в университете. Поэтому, с трудом вырвавшись из крепкого захвата, продолжила путь к своей машине.

Дождь ослабел, но газон перед домом успел сильно вымокнуть, и пока я бежала, трава под моими кроссовками чавкала. Справа в конце улицы накатывали на берег океанские волны. Казалось, они стали еще больше и яростнее.

Добежав до машины, я достала из кармана шорт ключи. Лишь открыв дверцу, рискнула оглянуться назад.

Мужчина стоял под морозящим дождем. Он выглядел ненамного старше моего Шона, на вид, может быть, лет тридцать. Молодая женщина сжимала его руку, как будто удерживая. Черты их лиц мне толком не удалось разглядеть, но, по-моему, эту женщину я видела раньше.

«Кэндис».

Старик Бликер стоял прямо перед входной дверью. Я слышала его голос, но из-за шумного прибоя не смогла разобрать ни слова. Однако его речь привлекла внимание той парочки на газоне, и они направились к нему. По пути мужчина оглянулся на меня через плечо.

Часть меня – благоразумная часть, воспитанная родителями в духе хороших манер: какая вилка к какому блюду и все такое, – хотела вернуться к крыльцу и заглядить свою вину. Но очевидно же, что я чем-то расстроила Арнольда. Расстроила до такой степени, что он в сердцах выгнал меня. Поэтому, наверное, сейчас не лучшее время для извинений.

Зачем я торчала здесь, в Сейвилле, на Лонг-Айленде, оставив мою семью на севере штата? Предполагалось, что уехала помочь полиции расследовать самоубийство молодой женщины, одной из моих пациенток...

«Дело закончено. Пора ехать обратно».

Я села за руль «Рейнджровера», завела двигатель и развернула машину. Проезжая в другую сторону, напоследок глянула на дом Бликера. Все трое еще стояли на крыльце; поворачивая синхронно головы, они провожали меня взглядами. В последний момент Кэндис отсалютовала мне вслед средним пальцем.

* * *

Проехав миль пятнадцать за десять минут, я немного успокоилась, мысли мои начали проясняться. Похоже, расспросы о Томе переплелись в голове Арнольда Бликера с какой-то другой историей, возможно, с заговором. И его также вполне можно понять, учитывая тяжесть затронутой темы, ведь его свояченицу отправили в тюрьму за убийство мужа, а ему пришлось растить ее сына, сглаживая конфликты мальчика с ныне покойной женой... В общем, Бликеру нужно было кого-то обвинить.

Потом меня посетила другая мысль: «Кэндис занимается стиркой».

Я не помнила, что у Бликеров была дочь, но, вероятно, это она. Может, тот мужчина – ее муж, и он просто пытался выступить в роли защитника.

Тем не менее... Как же агрессивно он схватил меня...

Я потеряла руку, мельком глянув на нее. Возможно, даже появится синяк. Как, интересно, я объясню его Полу?

Еще немного похандрив, я взяла телефон с пассажирского сиденья и вставила его в базу. В этом «Рейнджровере» можно было общаться по телефону, не держа его в руках, и вскоре из динамиков донеслись гудки. А после пятого гудка:

– Привет, Эмми.

– Привет, Фрэнк, – откликнулась я. – Не думала, что ты возьмешь трубку, поэтому собиралась отправить сообщение.

– Если хочешь, можешь перезвонить, и я не отвечу. – Его скупой бесстрастный юмор напомнил мне об Арнольде Бликере: «Я что-нибудь выиграл?»

Я рассмеялась; смех прозвучал несколько более нервно, чем мне хотелось.

– Нет уж, придется теперь импровизировать на ходу, – возразила я. – Как твои дела?

– Не могу пожаловаться, дел по горло. А у тебя?

– То же самое. Хотя сейчас мы в отпуске. Решили пожить недельку в нашем озерном доме.

– О, хорошо вам... Хотя такое впечатление, что ты за рулем...

– А ты прирожденный следователь. – Попытка пошутить в итоге прозвучала саркастично. – Прости, – быстро добавила я, – как раз сейчас я оттуда смылась. Пришлось вернуться в офис.

– Сочувствую.

– Моя пациентка совершила самоубийство.

– Однако...

– Кошмар. И мне пришлось разговаривать об этом с полицией Уайт-Плейнс.

– Да, понятно. Конечно.

– Но послушай... У тебя-то самого все хорошо? Как поживают жена и дети?

Эта шутка получилась лучше; Фрэнк никогда не был женат.

– Отлично, лучше не бывает, – с ехидной усмешкой заметил он.

– Нет, Фрэнк, бывает. Настанет еще твой день. Встретишь свою половинку.

Он усмехнулся.

– Мне почти шестьдесят.

– С шестидесяти начинается новая жизнь.

– Вот именно, черт подери! – воскликнул он. – Ведь подумать страшно.

Пора заканчивать светскую беседу. Я почувствовала себя более комфортно. Мои руки спокойно лежали на руле; я уже выехала на Лонг-Айлендскую автостраду, блестящее, мокрое после ливня шоссе. Машин по дороге в город попадалось на удивление мало для вечера пятницы. Похоже, все уже разъехались на выходные.

– А вот интересно, не мог бы ты проверить для меня один телефонный номер? Мне поступил странный звонок. Ты... Надеюсь, ты сумеешь это сделать?

– Попробую. Какой номер? – Я продиктовала ему цифры. – Все понял. Дам тебе знать. Больше ничего не нужно?

Я знала Фрэнка Миллса больше тридцати лет, и он знал меня. И понимал, что, конечно, нужно.

Мы познакомились, когда он только поступил на службу в полицию Нью-Йорка, а я училась на последнем курсе. Теперь он занимался частным сыском. Говорил, что занялся им ради денег, но я-то знаю, что пенсии нью-йоркского копа Фрэнку, закоренелому холостяку со скромными запросами, более чем достаточно. Фрэнк занялся детективной работой, потому что она у него в крови. Без случайных заданий от адвокатов по разводам, без слежки за любвеобильными мужьями или за претендующими на страховку хитрецами, которые якобы ковыляют на костылях, а на самом деле гоняют на водных лыжах на Багамах, Фрэнк сошел бы с ума.

– Нужно, – ответила я, – разумеется, нужно.

Он выслушал мою историю – она не отняла много времени, может, всего минутку, – и сказал:

– Да. Круто. Интересная ситуёвина получается. – Только Фрэнк мог назвать это ситуёвиной. Коренной житель Нью-Йорка, старая школа...

– Это сводит меня с ума, – промямлила я.

– Ну... Ты всегда можешь расспросить его самого.

– Да ладно, ты серьезно?

– Ну, я не говорил, что прямо так сразу в лоб. Может, он все забыл... В любом случае вопрос в том, что бы это могло значить. Джони-то хоть выглядит счастливой?

– Джони – да. Она выглядела счастливой с каждым парнем, которого приводила в дом.

– Верно, но ведь не с каждым из них она обручалась?

– По крайней мере, не докладывала. – Мне вдруг захотелось закурить.

Я не курила уже больше десяти лет, но сейчас с удовольствием подымила бы сигареткой. Может, из-за общения с Фрэнком с его хрипловатым голосом. Казалось, я даже слышала, как он сам попухивает сигаретой – в паузах затягиваясь и выдыхая дым.

– Так ты думаешь, что тот телефонный звонок как-то связан с его появлением у вас?

– Может быть. Да, конечно.

– Ладно, – заключил он. – Я все проверю.

– Точно?

– Да.

– Фрэнк, ты – настоящий друг.

– Я выставлю тебе настоящий дружеский счет. – Он рассмеялся, поскольку ничего не собирался мне выставлять.

– Надеюсь, это не отнимет много времени, – сказала я, вдруг испытал потребность успокоить его. Или, может быть, саму себя.

– Знаешь, что я понял, занявшись частным сыском? Все отнимает больше времени, чем ожидаешь.

– Ах, вот оно как... Как и жизнь вообще.

– Да, правда.

Разговор подошел к концу.

– А знаешь, я все вспомнил, – вдруг изрек Фрэнк, – это было чертовски сложное дело. Над ним ведь работала Муни, верно? Ребекка Муни? И, по-моему, еще Стив Старчик... Похоже, у них имелся какой-то зуб на жену. У следствия хватало других зацепок – сосед видел незнакомую машину, задние ворота взломали снаружи, как и заднюю дверь... Говорили, что для этих взломов потребовалась недюжинная сила.

– Подозреваю, что все было инсценировано. Ею самой.

– Как ее звали... Лори? – помолчав, спросил Фрэнк.

– Лора.

– Точно, Лора... Так это ее рук дело? Она сама забила его битой?

– Молотком.

– Да, верно. Вот, значит, оно как... Что уж тут скажешь? О, черт – там же все видел их ребенок?

– Фрэнк...

Мой тон выразительно подразумевал: я не могу обсуждать подробности. Даже сейчас. Суд засекретил записи, где он назвал мать убийцей. Как и все показания под присягой. Не было никакой очной ставки, все решалось за кулисами. Сделку заключили в крутых кабинетах чиновники в деловых костюмах.

– Ну да, – понимающе произнес Фрэнк, вспомнив о конфиденциальности. – Конечно. Извини. Я ведь...

Его голос оборвал входящий звонок на мой телефон с какого-то незнакомого номера. Я сообщила Фрэнку, что мне нужно принять новый звонок. Но перед тем как переключиться, задала последний вопрос:

– Ты говорил, что сосед видел там чужую машину. Обнаружились ли еще подробности?

– Нет, не думаю. Только то, что на улице сидел в машине какой-то парень, примерно в то время, когда произошло убийство.

– Где ты это услышал?

– Ну, знаешь... Слухами земля полнится. Теперь уже *мне* надо вспомнить о конфиденциальности.

– Может, инсценировку устроил какой-то приятель Лоры Бишоп?

– Это уже другой разговор... – Немного помолчав, он добавил: – Ладно, выше нос. Я буду на связи.

– Спасибо, Фрэнк.

Я переключилась на новый звонок, интуитивно догадываясь, кто мог мне звонить.

– Алло?

– Это доктор Линдман?

– Да.

Пауза. Затем:

– Нам понадобилось двадцать минут, чтобы успокоить моего отца – а он и так плохо себя чувствует... Что именно ты ему сказала? Что ты вообще делала в моем доме? Кто тебя послал?

Должно быть, звонила Кэндис. Я ведь оставила свою визитку в гостиной.

– Мне очень жаль, – начала я, – я лишь хотела задать несколько вопросов, чтобы...

– Еще раз приблизишься к моей семье, и тебя посадят. Все понятно? Оставь нас в покое, стерва.

Она отключилась.

Глава 16

Семья Бликеров считала, что я сделала нечто предосудительное. Конечно, они немного странные – со всеми их поросячьими фигурками в доме, погруженном в полузабытье, где все казалось мешковатым и бесформенным, пропитанным морской влажностью. Любому стало бы понятно, что им пришлось многое пережить. Арнольд Бликер выглядел больным, а его дочь превратилась в чрезмерно заботливую опекушку...

Но они определенно думали, что я в чем-то виновата.

Причем не только я.

Я участвовала в каком-то сговоре.

Пусть такое отношение и неприятно, однако весьма интересно, и оно подсказало мне новое направление мыслей. Возможно, старое дело нуждалось в продолжении. Вернувшись в свой офис в Уайт-Плейнс, я совершила набег на буфет в кухонном уголке и нашла бутылку джина. «Танкерей». Такой джин обычно пила моя мать. Я налила себе изрядную дозу этого крепкого напитка и, выключив свет, устроилась в темноте на кожаном диване. Оконные жалюзи исполосовали пол решетчатыми тенями. Снаружи, с Мамаронек-авеню, доносился приглушенный шум движения автомобилей.

Внезапно я вздрогнула, услышав стук двери. Кто-то зашел в наш коридор. Я поставила стакан и встала с дивана. Приблизившись к двери, услышала звон ключей. Открыв замок, не стала снимать цепочку и, слегка приоткрыв дверь, выглянула в коридор.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, сняв цепочку.

Когда я открыла дверь, Мина, напряженно ссутулившись, вошла в офис. Но она так обычно и ходит.

– Я увидела вашу машину перед входом, – пояснила она.

Мы вместе прошли в кабинет.

– Итак, зачем... зачем ты сюда...

– Не могла уснуть, – сказала Мина.

Я предложила ей тоже сесть на диван. Она увидела мой напиток на столике.

– Хочешь выпить?

– О нет, – пробурчала Мина, сложив руки на коленях, – нет, спасибо. Или, может, немного... Совсем немножко.

Кухонный отсек соседствовал с ванной комнатой; он вмещал раковину, два шкафа и микроволновку. «На редкость странно», – подумала я, отвинчивая крышку бутылки. Достав второй стакан из шкафчика, бросила в него пару кубиков льда из маленького холодильника, налила сверху немного джина и вернулась к Мине.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Все нормально. Да. Спасибо. – Отбросив назад свои прямые черные волосы, она взяла стакан и пригубила джин.

Мина – филиппинка. Идеальные темные волосы, большие темные глаза, изысканные черты лица, широкие скулы и заостренный подбородок. Субтильная женщина маленького роста, она отдавала предпочтение духам или дезодорантам с кокосовым ароматом. Сегодня от нее также пахло кокосом. Я заметила к тому же бисеринки пота у нее на лбу и над верхней губой – ей явно жарковато.

– Вы сумели найти мистера Бликера? – спросила она.

– Да, нашла, – ответила я, опустившись в кресло. Положив ногу на ногу, глотнула еще джина. Несмотря на странное поведение Мины, я немного успокоилась. Уже вошла в привычную для себя роль.

– Что он сказал? – спросила Мина.

Я поведала ей историю моего визита к нему, преуменьшив то эмоциональное воздействие, какое он на меня произвел. Тем не менее Мина слушала меня с широко открытыми глазами. Когда я умолкла, она обхватила свой стакан обеими руками и, допив джин, поставила его перед собой на кофейный столик. Меня удивляло не только то, что Мина не спала в такое позднее для нее время, но и то, что согласилась выпить. Она с трудом усваивала спиртное – оно резко повышало ее давление и лишало сил.

– Ладно, – сказала я, – так что тебя беспокоит?

– Да просто... Я чувствую себя ужасно.

– Из-за чего?

– Из-за того, что случилось с Мэгги.

– Понятно. Я тоже.

Мина пояснила, что из-за этого не смогла уснуть. Стараясь ни о чем не думать, она покаталась по городу и на обратном пути как раз ехала мимо офиса.

Рассказывая все это, Мина скользнула взглядом по коробке с документами на моем столе – я не убрала ее на место. Папки с документами по делу Бишопа, не Мэгги.

– Во всяком случае, – сказала она, – сейчас мне уже лучше. – Приподняла свои тонкие брови. – А вы нашли нужные заметки по делу?

– Нашла... Мина, может, ты хочешь поговорить о Мэгги?

– Нет, – ее обычно гладкое смуглое лицо нахмурилось, – не думаю. А как насчет вас? Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Я в порядке. А тебе лучше отправиться домой. Не беспокойся обо мне.

Она с сомнением глянула на меня, но поднялась с дивана.

– Хорошо.

Заверив ее в том, что все будет в порядке, и поблагодарив за беспокойство, я проводила Мину на улицу и посмотрела, как она уехала.

Может, конечно, и не все будет в порядке, и я отчасти жалела, что не посвятила Мину во все подробности. Но с годами я научилась быть более осторожной и менее откровенной.

* * *

Вечером стало прохладнее, но влажность оставалась высокой. Мне поступила пара сообщений от Пола, но они могли подождать. Настал мой черед кататься по городу – хотя, вернувшись в машину и тронувшись с места, я сразу осознала, куда поеду. На бульваре Бронкс-Ривер машин было мало. Фары «Рейнджровера» рассеивали полутьму, освещая идущий на юг серпантин. Я знала этот маршрут как свои пять пальцев.

По мере движения я размышляла о том, как мы блокируем что-то в себе, отрешаемся от чего-то. «Диссоциация» – вот верное слово. Диссоциативное расстройство идентичности. Недавно я побывала на тренинге, где основной докладчик предположил, что все мы в той или иной степени переживаем это расстройство. Все мы так или иначе отрешаемся от каких-то сфер нашей жизни, отделяемся от воспоминаний или прошлых травм. Большую часть времени мы поступаем так совершенно бессознательно. Но степень у всех разная.

Папка с записями по делу Тома Бишопа лежала рядом со мной на пассажирском сиденье, а я уже проезжала по спящему Бронксвиллу. Вдоль главной магистрали темнели витрины магазинов. Свернув налево, я начала подниматься по холму к жилому микрорайону на Пондфилд-роуд и примерно через милю затормозила перед одним домом.

Не своим. Я приехала туда, где когда-то жили Дэвид и Лора Бишопы. Два управляющих: управляющий инвестиционным фондом и управляющий художественным салоном. Оба работали на Манхэттене.

Большой белый дом с черными ставнями. Из-за разросшегося во дворе можжевельника виден только верхний этаж.

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как Бишопы жили здесь со своим сыном Томом. Мальчиком, видевшим, как его мать убила отца, разmozжив ему голову молотком.

По крайней мере, так Том в конце концов сказал мне.

И его слова отправили Лору Бишоп в тюрьму за убийство.

Но – возможно, из-за враждебности в глазах Арнольда Бликера или напоминаний Фрэнка о человеке, сидевшем в машине около дома Бишопы, примерно там же, где я сейчас остановила свою, – я начала видеть давние события в новом свете.

Глава 17

Около минуты я сидела, наблюдая за домом. Несколько окон на верхнем этаже освещались мягким светом. Скрытая из виду подъездная дорожка подсвечивалась низкими фонарями. Память унесла меня в тот день, когда Том впервые вошел в мой офис и в мою жизнь. Вошел ссутулившись, не поднимая головы. С убийства его отца прошло полгода. Где он жил все это время? Я попыталась вспомнить, поехал ли он прямо к Бликерам или какое-то время еще жил со своей матерью.

Может, и то и другое. Лора Бишоп до ареста могла сама переехать на Лонг-Айленд. Ведь ее дом в Бронксвилле стал теперь местом преступления, и после жестокого убийства ее мужа пол на кухне был покрыт пятнами. Брызги крови могли попасть на кухонные часы, а также на коллекцию часов на стене лестницы... Вряд ли кому-то захотелось бы оставаться там со своим ребенком. Уж лучше найти убежище у родственников. Я просто не могла толком вспомнить, кто привозил Тома ко мне на сеансы. Кажется, мне запомнилась женщина...

Элис Бликер. Она уже умерла от рака.

Я взяла папку с пассажирского сиденья и полистала ее. Записи по делу, полицейские отчеты, даже копия вскрытия Дэвида Бишоп... Я и забыла, что мне выдавали ее. Решив позже внимательно прочесть эту копию, я вытащила ее из папки и нашла прикрепленные за документами фотографии. Ужас. Бишоп ударил молотком по голове, причем не один раз. Ему проломили череп в пяти местах.

Фотографии из ночных кошмаров. Выбритая посмертно голова выглядела как асфальт в выбоинах.

Я быстро сунула снимки и документы обратно в папку и закрыла ее.

Почему отчет о вскрытии попал в мои записи о сеансах Тома Бишоп? Должно быть, полиция предоставила мне копию для более полного понимания обстановки. «Такие картины мог увидеть мальчик».

Пока я сидела, размышляя о том ужасном преступлении, мне вдруг показалось, что за мной следят.

Сначала я глянула на дом, но там вроде бы ничего не изменилось. Те же освещенные окна, и одно окно наверху немного мерцало, как будто подсвечивалось телевизором. Улица передо мной пуста: никто ночью на улицах Бронксвилла не парковался.

Но потом я заметила нечто особенное. В зеркале заднего вида, примерно в сорока ярдах от меня, темнела машина с выключенными фарами. Уличный фонарь в непосредственной близости позволял разглядеть за рулем очертания водителя.

Первая инстинктивная реакция: я схватилась за переключатель передач и завела «Рейнджровер». Но прежде чем моя нога переместилась с тормоза на газ, дверца той машины открылась и вышел мужчина.

Да, я попала впросак, но любопытство не позволило мне просто уехать, несмотря на то, что сердце у меня заколотилось от страха. Мужчина подошел к моей машине со стороны водителя. Судорожно вздохнув, я опустила окно.

– Вечер добрый, – сказал он.

– Добрый.

В течение нескольких долгих секунд мы изумленно разглядывали друг друга. Пусть мы не встречались пятнадцать лет, но оба сразу сообразили, кого видим. Его лицо оживило мои воспоминания. Он был напарником Муни.

– Детектив Стивен Старчик, – сказал мужчина, протянув руку к окну.

«Ну, конечно!» Я вдруг осознала, что и машина-то выглядела знакомой. Не индивидуально знакомой, а в целом. Типичный полицейский автомобиль без опознавательных знаков.

– Вы ведь доктор Линдман?

– Да.

Мы обменялись рукопожатием, но он продолжал пытливо взирать на меня, пытаюсь вычислить мои тайные планы. Впрочем, чуть позже, видимо придя к какому-то удовлетворившему его выводу, сказал:

– Подозреваю, что нас привела сюда общая идея. Или общие чувства.

– Я не заезжала сюда очень давно, – заметила я, не совсем понимая, к чему он клонит.

– И я.

На вид он вроде бы симпатичный, разве что немного несуразный, с близко посаженными глазами и слегка приплюснутым носом. Из-за своей стрижки и тонких светлых волос детектив напомнил мне стареющего серфингиста. Оглянувшись на дом, он вновь посмотрел на меня.

Я поняла, что должна что-то сказать. Дать какие-то пояснения. Но не успела, так как его взгляд скользнул к пассажирскому сиденью.

– Там у вас досье на мальчика Бишопов?

– Да. – Теперь я испытала неловкость.

Глаза Старчика прищурились, а его тон стал более официальным.

– Не возражаете, если я спрошу, что вы здесь делаете?

Отличный вопрос. Я выдала ему свою историю: отдыхала на севере штата и только сегодня познакомилась с приятелем моей дочери Майклом Рэндом, который поразительно похож на выросшего Тома Бишоп. В эту версию я включила и мой приезд в город в связи с делом Мэгги Льюис, но не стала упоминать о своей поездке на Лонг-Айленд.

– И я, собственно... заехала в свой офис. Нашла его папку. А потом просто заскочила сюда. Наверное, надеясь вспомнить нечто важное.

Опять взглянув на Старчика, я ожидала, что увижу на его лице выражение вроде «ну надо же, какое совпадение», но мое ожидание не оправдалось. Старчик заметно побледнел, и глаза его помрачнели. Он даже отступил на полшага от автомобиля.

– Звучит так, будто вы не в курсе...

– В курсе чего?

Он вновь глянул на дом и продолжил тихо и мрачно:

– Лора Бишоп получила условно-досрочное освобождение. Ее выпускают.

В глубине моего сознания, казалось, взорвалась бомба. Я словно в реальности увидела, как взметнулся и опустился молоток, увидела брызги крови. Увидела Дэвида Бишоп с проломленным черепом на столе морга. И маленького ссутулившегося Тома с опущенной головой, впервые вошедшего в мой кабинет шесть месяцев спустя.

– Ее *выпускают*?

Старчик кивнул.

– Слушание состоялось два месяца назад. Комиссия рассмотрела ее дело и рекомендовала условно-досрочное освобождение.

– Неужели? Так когда же именно ее собираются выпустить? – Нюансы условно-досрочного освобождения всегда ускользали от меня.

– Такие дела не относятся к сфере точных наук, – проворчал детектив, – но с сегодняшнего дня уже могут. Я так много знаю, потому что видел документы. К тому же об этом напечатали в утренней газете. Большой был заголовок.

– Я не знала, надо же... Ведь мы уехали из города. И я вроде как забыла о существовании мира.

– Конечно, я понимаю... Так вы говорите, что сын Лоры Бишоп встречается с вашей дочерью?

– Ну, я не знаю точно, что это...

– И вы познакомились с ним сегодня утром? Странно все это, верно? Даже более чем странно... – Он буровил меня пытливым взглядом.

– Я же не уверена, что это он, – возразила я, – в том-то все дело.

На лице Старчика явно было написано: «Ну да, конечно». Он озвучил мне мои же мысли о малой вероятности такого случайного совпадения. И еще выразил свое мнение о том, что Лора Бишоп, должно быть, очаровала комиссию по условно-досрочному освобождению, поскольку у нее есть все признаки психопатической личности: сообразительность и способность манипулировать людьми.

Я дала ему выговориться, предпочитая пока помалкивать. Но в итоге задала логичный вопрос:

– А что вас самого привело сюда сегодня, мистер Старчик?

– Как я говорил, объявление в газете.

– Понятно, но все же...

– Я живу всего в полчаса езды отсюда, – он пожал плечами, – и пока не взял летний отпуск. – Окинул взглядом улицу. – Половина городских домов сейчас пустует. Но не мой. Мне некуда ехать. – Выйдя из задумчивости, он достал свой бумажник и вручил мне визитку. «Бюро уголовных расследований». – Не окажете услугу? Дайте мне знать, ладно? Дайте знать, что вы выясните. Тот ли это мальчик.

– Конечно. – Сунув его визитку в папку, я добавила: – Я все понимаю, но это маловероятно. Наверное, я просто перетрудилась. Мне давно нужен был отдых. Пора вернуться к нему.

Старчик глянул на меня из-под полуопущенных век, будто понял, что я несу полный бред.

– Разумеется, – согласился он.

– А как поживает детектив Муни? – спросила я, улыбнувшись. На самом деле мне пора было заткнуться и уехать, но меня разобрало любопытство. – Почему она не с нами, не оживает в памяти старые времена?

Моя улыбка пропала втуне.

– Муни больше не работает в полиции штата. – Старчик не стал вдаваться в подробности. Он лишь погладил борт моей машины, добавив: – Удачи, доктор Линдман. Будем поддерживать связь, ладно? – После чего направился к своей машине.

Моего самообладания хватило лишь на то, чтобы не рвануть с места, взвизгнув шинами. Как можно спокойнее я отъехала от бордюра. Мой собственный дом находился поблизости, и практически через несколько минут я вошла в гостиную. Встреча со Старчиком изрядно потрясла меня.

Я уже устроилась в кресле с бокалом вина, чтобы снять нервное напряжение. Потягивая вино, вдруг подумала, уловил ли Старчик, что от меня пахнет спиртным.

Меня вновь охватило желание покурить. Интересно, не завалилась ли где-нибудь в моем большом помпезном доме пачка сигарет? Может, ее припрятал Пол? Он завязал вместе со мной. Обычно, уезжая, мы оставляли часть света включенным, и я зажгла еще несколько свечей, пытаясь избавиться от дурного настроения. Обыскав все ящики и шкафчики, карманы пиджаков и подвальные контейнеры, так и не нашла курева.

– Пошел ты на хер! – внезапно выругалась я, подумав о Старчике.

Обычно я не сквернословлю, даже наедине с собой, но он действительно достал меня.

В кармане завибрировал телефон. От неожиданности у меня екнуло сердце. Сообщение. От Фрэнка Миллса: «Послал тебе письмецо. Глянь».

Глава 18

Мы с Полом делили гостевую спальню, переделав ее в домашний офис. Вынашивали планы модернизации либо старой комнаты Шона, либо комнаты Джони, чтобы обзавестись отдельными кабинетами, но пока они так и остались планами. Включив ноутбук, я открыла свою почту и проверила новые письма. Тема сообщения Фрэнка гласила: «Аризона».

Как бывший коп, Фрэнк мог оказывать разные услуги, получая доступ к недоступным мне базам данных, типа баз департаментов общественной безопасности различных муниципалитетов. Я же смогла только проверить социальные сети на наличие в них Майкла Рэнда и Тома Бишопа, что мне не особо помогло.

А Фрэнк уже накопил кое-что еще: «Томас Р. Бишоп проживает в Тусоне, штат Аризона. Двадцати трех лет, родился четвертого марта».

День рождения и возраст совпадали. Проверила изображение – фото из отдела кадров, качество которого, конечно, могло быть и получше. Но, прищурившись, я все-таки разглядела лицо этого молодого человека на экране. Он был точной копией Майкла. И, как Майкл, выглядел взрослой версией мальчика, с которым я занималась пятнадцать лет назад.

Томас Бишоп работал на складе «Амазон», в основном за рулем автопогрузчика. На фото запечатлелся не улыбочивый парень в ярко-желтом жилете.

Ниже Фрэнк написал: «*Скоро получу данные о регистрации арестов и информацию из отдела транспортных средств. – Ф.*».

Ладно, подумала я, откидываясь на спинку кресла. Похоже, дело начало проясняться.

Я ждала облегчения, но оно не приходило. Мой отец частенько говорил мне, что я слишком много думаю. Такое замечание казалось абсурдным – как человек может думать слишком много, – к тому же сам Рой Грабер не являлся примером невозмутимого, свободного от тяжелых мыслей ума.

Но я знаю, что отягощало мои мысли. А именно сейчас они упорно возвращались к встрече со Старчиком или к факту условно-досрочного освобождения Лоры Бишоп и всего того, что это могло значить. И я не могла выбросить из головы слова Фрэнка, когда мы вспоминали дело об убийстве Бишопа: «Похоже, у них имелся какой-то зуб на жену».

Раз Фрэнк только что прислал мне сообщение, значит, он еще не спит. Мне не хотелось давить на него слишком упорно, ведь он и так старался задаром, но мне нужна всего пара минут.

Я позвонила Фрэнку, и он ответил на втором гудке:

– Ну привет. Похоже, у нас все будет хорошо?

– Надеюсь. Очень надеюсь.

– Ого. Что там еще случилось? – Интуиция у Фрэнка на высоте.

Я рассказала ему о встрече с детективом Старчиком и новость о том, что скоро Лору Бишоп освободят досрочно.

– Черт побери! – воскликнул Фрэнк. – Какая умопомрачительная своевременность. Ее вот-вот освободят, и в это же время перед тобой является парень, чертовски похожий на ее сына?

– Да, интересно.

– Так, – вдруг сказал Фрэнк, – врач по мозгам у нас, конечно, ты, но позволь спросить: возможно ли, что ты сама прочитала где-то о выходе этой Бишоп? Ну, вроде как мельком видела какое-то сообщение онлайн или в газетном киоске, а теперь у тебя... короче, не знаю я ваши психотерапевтические термины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.